
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Козел
Спецназ
ТЫ МОЙ
Краш
18+
АЛЕКС КОВАЛЬ
ЛАНА ВАЙН

Алекс Коваль
Лана Вайн

Спецназ. Ты мой кРаш!

https://litres.ru/74789437
SelfPub; 2026

Аннотация

Задуть свечи на праздничном торте и в тот же вечер получить пинок под зад? Легко! Ведь мой парень решил, что лучший подарок ко дню рождения своей девушки – это свобода и прописка на лавочке у подъезда.

Ладно, не пропаду. Новое жилье – новая жизнь, так ведь пишут в умных пабликах? Жаль, там не предупреждают о побочных эффектах в виде соседа за стеной.

Знакомьтесь, Марк Трошин, для друзей просто – Раш. Самоуверенный нахал и возмутительно привлекательный спецназовец, который искренне считает, что знает о жизни все.

Мы бесим друг друга до искр из глаз! Но кто же знал, что от соседских пакостей до сносящего крышу притяжения – всего один неверный шаг?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5. Раш	50
Глава 6	64
Глава 7. Раш	77
Глава 8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Алекс Коваль, Лана Вайн
Спецназ. Ты мой кРаш!

Глава 1

MARK, Mike LookUs – Полетела

Говорят, день рождения – отличный повод начать новую жизнь. И мой парень решил помочь мне с этим сразу по всем пунктам. Поэтому в день моего двадцатиоднолетия не просто забыл про нормальный подарок, а преподнес мне незабываемый сюрприз: собрал мои вещи и сообщил, что наши отношения себя исчерпали.

Праздник удался на славу. Да так, что я уже десять минут сижу на лавке у его подъезда и никак не пойму, в каком месте нужно радоваться началу новой жизни? Пока больше хочется вернуться, позвонить в домофон и спросить, нельзя ли мне старую обратно. Там хотя бы было где спать.

– С днем рождения тебя, Морозова, – поздравляю себя вслух.

Пожилая женщина с таксой, проходящая мимо по двору, подозрительно косится в мою сторону и на всякий случай прибавляет шаг. Собака тоже оглядывается, держа в зубах

свою веревочку. Кажется, даже у нее сегодня жизнь складывается удачнее моей. По крайней мере, поводок в ее отношениях держит именно она.

Я вздыхаю и перевожу взгляд на желтый чемодан – здоровый, тяжелый и набитый так плотно, что молния в одном месте уже расходится и наружу просится кружевной край трусов. Спасибо, Сережа, собирал от души. Еще и выставил чемодан первым, а меня следом. Удобно, и, главное, ничего не забыл ведь, кроме своей совести и предложения хотя бы переночевать до утра на диване. Знает же, что Питер – чужой мне город.

На глаза наворачиваются предательские слезы. Драматизм момента достигает своего апогея, когда прямо над моей головой раздается раскат грома. Вот сейчас совсем не вовремя! К горлу подкатывает ком обиды. Ну почему все сложилось именно так?!

В моих горячо обожаемых любовных романах герой уже давно осознал бы весь масштаб собственной тупости и выбежал следом за героиней. Под ливень. Без куртки, конечно! Упал бы на колени, схватил ее за руку и сказал что-нибудь в духе самых сопливых мелодрам.

Но я не героиня любовного романа.

Да и Сережа такой себе герой. Как оказалось.

Делаю хлюп носом и пинаю чемодан кроссовком.

Не вздумай реветь, идиотка! Прорвемся.

Достаю телефон. На засветившемся экране показывается

двадцать три процента заряда, две тысячи четыреста восемьдесят рублей и пять копеек на карте и ни одного свободного квадратного метра в личной собственности. Зато полный набор стикеров с котиками в мессенджере. Морозова, да ты шикуешь! С таким стартовым капиталом можно смело начинать новую жизнь, главное – выбрать правильное направление, например, вокзальная лавка как раз мне сейчас по карману.

Внезапно телефон начинает вибрировать. На дисплее высвечивается фотография и подпись «Ириска». Жму на зеленую кнопку и подношу динамик к уху, даже не успевая произнести приветствие.

– С днем рождения тебя-я-я! – с первых же секунд затягивает подруга, но почти сразу ее перекрывает оглушительный детский вой, а мужской голос сдержанно просит не дергаться. – Никит, голову ему придерживай! – кричит в сторону, а потом возвращается ко мне. – Ты чего молчишь, именинница?! Загадала желание? Колись!

– Ага, загадала. Чтобы твой муж переодел подгузник и его не обмочили.

– О, не трать желание зазря. Тут без чуда не обойтись. Ха-х! Лучше адрес скажи.

– Какой адрес?

– Твой, Морозова. Курьер скоро приедет за подарком, а я до сих пор не знаю, куда его отправлять. Ты же дома?

– Не совсем.

– Это как?

– Ну… технически дом рядом.

В трубке становится тихо. Даже ребенок на заднем плане на секунду замолкает. И, словно под влиянием злой насмешки судьбы, именно в эту секунду с моих губ срывается жалкий всхлип.

– Анита, – голос Иры меняется мгновенно. – Что случилось?

Можно соврать. Сказать, что вышла в магазин, решила прогуляться или сижу во дворе, потому что в квартире плохо ловит связь. Последнее особенно убедительно, если не учитывать, что мы разговаривали из этой квартиры сотню раз. Но врать я не умела никогда. Да и за время нашей дружбы Агапова – нынче счастливая Сотникова – успела настолько хорошо меня изучить, что любую ложь считает даже на расстоянии в десятки километров. Поэтому я лишь крепче сжимаю телефон и выпаливаю:

– Сюрприз от Сережи.

– А-а. О-о. Погоди, так это слезы умиления?

– Типа того, – хихикаю чуть-чуть истерично. – Так умилительно, что именно мой день рождения оказался идеальным временем для нашего расставания. Обалдеть просто!

На долгое мгновение в трубке виснет тишина. На заднем фоне отчетливо слышится улюлюканье Никиты с новорожденным сыном и тихий шорох детской погремушки.

– Стой, – выдыхает наконец-то подруга. – В смысле? Ты

сейчас серьезно?

– Абсолютно. Я теперь свободная, самостоятельная и немножко бездомная – суперкомбо! Можешь поздравить еще раз, – улыбаюсь, чувствуя, как по щекам катятся первые слезинки, которые я дергано смахиваю рукавом толстовки. – Ты, кстати, не знаешь, где в Питере приличным девушкам разрешают пожить бесплатно? Желательно с отоплением и без подселения голубей и бродячих собак.

– Адрес.

– З-зачем?

– Скинь свою геолокацию, я сказала!

– Ира, не надо приезжать. Я не хочу ни скандала, ни групповухи по избиению бывшего. Тем более у него дома. Еще мебель повредим, потом платить. А мне сейчас нечем…

– Я не собираюсь его бить! Пока. У меня студия пустует, помнишь?

– Та, в которой ты раньше обитала?

– Она самая. Хорошо, не успела до родов найти приличных квартирантов. Поживешь там.

– Нет.

– Да.

– Ира, я не могу просто взять и воспользоваться твоей добротой…

– Можешь. Я разрешаю. Я сейчас оформлю курьера, он заберет у меня ключи от студии вместе с твоим подарком и отвезет прямо к тебе. Поняла?

– Но…

– Если через минуту не увижу геолокацию, приеду сама и тогда уже Сережу придется собирать в чемодан. По частям. А Сотников мне потом, как любимый муж, поможет скрыть следы преступления и скрыться самой. Ты же не хочешь, чтобы твоя подруга подалась в бегство с малышом недели от роду, м?

Я кошусь на подъездную дверь, уже вовсю представляя миниатюрную Иру, которая тащит по лестнице огромный чемодан с торчащей из молнии Сережиной ногой, и против воли фыркаю.

– Ладно. Сдаюсь. Это решение звучит разумно…

– Еще бы. Сиди на месте. Жди. А самое главное – не вздумай ничего писать этому придурку!

– Даже «спасибо за чудесный праздник»?

– Особенно это. Я тебя знаю. Сначала напишешь «спасибо», через пять минут отправишь проклятие до седьмого колена, а утром будешь краснеть и извиняться. А он извинений точно не заслужил. Он заслужил гореть в аду. Все, я побежала, кажется, Ник не справляется! – выдыхает в трубку Ира, когда на заднем плане раздается вой ее малыша. – Жду адрес.

Ириска отключается раньше, чем я успеваю возразить. Выеживаться нет сил. Да и варианта другого, кроме как принять помощь подруги, у меня нет. Поэтому я проглатываю собственную гордость и отправляю Агаповой геолокацию, и

снова откидываюсь на деревянную спинку лавочки.

Следующие полчаса тянутся отвратительно медленно. Телефон лежит у меня на коленях, но я все равно проверяю его после каждого пиликнувшего уведомления. С надеждой на что? Сама не знаю. На покаяние бывшего, наверное?

За то время, что я сижу во дворе, дважды успевает начаться дождь. И я дважды бегу под козырек у подъезда, чтобы спрятаться и не промокнуть до нитки. Внутри меня разрывает от противоречивых чувств: я злюсь, мне больно, грустно, страшно и обидно. Обидно, пожалуй, больше всего.

Я отдавала всю себя «нам», без остатка! Жила и дышала нашими отношениями. Ради Сережи решилась на переезд в Питер, поругавшись с отцом. Я думала – он моя судьба! Ну, как в турецких сериалах, знаете? Один и на всю жизнь. Горячо любимый. Первый во всем. Идеальный! И уж точно я никак не ожидала, что останусь на улице в свой день, планы на который мы с Сережей строили последние полгода. Или казалось, что строили? По факту строила только я. И планы, и наши отношения, и наше будущее…

Снова прокручиваю в голове случившийся в квартире эпизод «расставания», чувствую, как губы начинают дрожать. Поджимаю их до боли и глубоко вдыхаю носом. Я не буду плакать. Я не буду плакать. Не буду!

Подступающую вновь истерику останавливает вовремя появившийся во дворе щуплый курьер на электровелосипеде. Он тормозит у скамейки, быстро передает мне бумажный

пакет с подарком и конверт с ключами, кивает на прощание и исчезает в арке так же стремительно, словно его здесь и не было.

Очередной порыв ветра пробирает до костей. Для конца августа сегодня удивительно холодный вечер, и за то время, что торчу на улице, я уже успела продрогнуть. И сейчас ежусь, натягивая на голову капюшон толстовки. Открываю сумочку и запихиваю туда ключи. Взглядом натыкаюсь на новую водостойкую помаду цвета пепельной розы, которую я купила сегодня утром себе в подарок. Беру ее в руку и зависаю, громко шмыгнув носом.

Ты серьезно думаешь об этом, Морозова?

Определенно серьезно!

Да, мне теперь есть где жить.

Да, правильней будет взять чемодан и уйти.

Да, так бы я и сделала, если бы не одно маленькое, зудящее в сердце «но» – чувство вселенской несправедливости, пришедшее на смену жгучей обиде и обрушившееся на мои плечи, подобно тяжелому плащу непойманного мстителя. Словно в первый раз за этот час «холостой жизни» я осознаю весь масштаб произошедшей катастрофы.

Эта сволочь выгнал меня! На улицу. Одним днем. Без предупреждения. Без шанса на амнистию. Без жалости и сострадания. Выставил! Отговорившись какими-то дурацкими, избитыми фразочками, мол: «Извини, не сошлись характерами». А я ради него поменяла в своей жизни все! Город, дом,

университет, круг общения. Даже собственные привычки, отказавшись от кофе, который так обожала пить по утрам, потому что у Сережи, видите ли, аллергия, – поменяла. А этот павлин с куриной жопой просто выбросил меня на помойку, как использованную игрушку, и что? Сидит себе там: в тепле, сытости, с моим любимым тортиком и радуется жизни? Я, конечно, тоже молодец! Влюбилась по уши, как дурочка. Повелась на красивые обещания и сладкие речи мудака, сама виновата. Но так легко Сережа точно не должен отделаться!

Мои щеки начинают пылать. Меня бросает то в жар, то в холод. Пальцы сами собой крепче сжимаются на тюбике помады. Производитель на упаковке обещает феноменальную стойкость, якобы она стирается только специальным средством. Отлично! Тем более Ира велела ничего ему не писать в сообщениях, про машину она ничего не говорила.

Я оглядываюсь по сторонам. На серый Питер опускаются сумерки. Где-то вдалеке хлопает дверь подъезда. Проезжает машина. Лает собака. На верхнем этаже, в окне, мелькает и тут же исчезает чей-то силуэт. Двор почти пуст. Самое время для мести.

Взглядом нахожу знакомую тачку на том же месте, где Сережа постоянно паркуется, и решительным шагом направляюсь к внедорожнику, оставляя стоять чемодан у лавочки.

Коленки трясутся от страха. По вискам лупит адреналин.

Я снимаю колпачок, выкручиваю помаду и прижимаю ее

к стеклу с передней пассажирской стороны так сильно, что мягкий стержень мнется, оставляя жирный розовый след. Вывожу большую букву «К», следом рисую «О», «З», «Е», «Л». На последней букве ловлю себя на том, что мне и правда становится легче. Даже несмотря на то, что помада за полторы тысячи рублей закончилась так феноменально быстро.

Высунув от напряжения кончик языка, дописываю свой «месседж» Сереже и отступаю на шаг. Оцениваю дело рук своих. Буквы вышли кривоватые, но слово читается отлично. И все же чувство незавершенности никак не хочет отпускать, словно чего-то не хватает. Может, добавить еще пару красочных жестов со стороны водителя, чтобы он точно заметил и впал в истерику?

Класс!

Решительно обхожу капот и делаю шаг к водительской двери. Заношу руку для нового художества, но тут случается непредвиденное. Тонированное стекло с тихим жужжанием уезжает вниз, открывая моему взору…

– Ох ты ж е… ежики! – взвизгиваю я от испуга и отшатываюсь так резко назад, что пятка цепляет бордюр. Взмахиваю руками, едва удерживаюсь на ногах. Капюшон падает с моей головы, длинные волосы подхватывает порыв ветра, разметав, а я встречаюсь взглядом с ошалевшими и смеющимися ярко-зелеными глазами.

В полумраке салона – за рулем – сидит совершенно незнакомый мне мужчина в красной футболке. Кудрявые волосы

слегка вьются на макушке, черты лица точеные, фигура внушительная – судя по размаху плеч. И это явно не мой щуплый Сережа. И машина, следовательно, тоже не Сережи…

И это значит, что…

Бесславный тебя ждет конец жизни, Морозова!

Незнакомец словно в замедленной съемке убирает телефон от уха. Выразительно косит взгляд на зажатую в моей ладони помаду. И нарушает гробовую тишину момента, бросая:

– Ты че творишь, Хулиганка?

– О-ой… – выдыхаю я, делая шаг назад.

Он тянется к ручке двери. В салоне щелкает замок. У меня же складывается ощущение, что это «щелкают» выключатели в моем мозгу от нервного перенапряжения. С мелькнувшим в свете фонаря бицепсом незнакомца до меня в полной мере доходит, что я только что разрисовала чужую тачку и ее владелец – огромный амбал – кажется, собирается открутить мою тупую голову, как только выберется из салона.

Вот только мне моя голова, знаете ли, дорога!

Вздрогнув, я выкрикиваю:

– Простите, я перепутала! – и, разворачиваясь на пятках, срываюсь с места со скоростью спринтера, установившего новый мировой рекорд.

– Эй! – летит мне вслед. – Охренеть, конечно, ты мне подарок сделала к дню рождения! – догоняет меня его смешок. – Кто оттирать это художество будет?

Уж явно не я…

Подлетев к своему чемодану, я хватаю его за ручку и бегу прочь со двора, даже не оглядываясь. Молясь всем известным мне богам, чтобы этот мой позор навсегда остался в памяти лишь двух человек: меня и незнакомца в красной футболке. И надеясь, что никогдашеньки в жизни я этого громилу больше не увижу!

Глава 2

Месяц спустя

Я опаздываю.

Катастрофически. До неприличия опаздываю на встречу с девчонками.

И все, что мне остается, – это нестись по улице сломя голову, перепрыгивая через редкие лужи после ночного дождя, и стараться не врезаться в прохожих.

С того вечера, как я осталась на улице с чемоданом и жизнью, которую пришлось собирать по кусочкам – прошел ровно месяц. Сначала мне хотелось просто лечь лицом в подушку и чтобы меня никто не трогал. Затем хотелось всем все доказать. Потом хотя бы не сдохнуть от количества перемен.

Из хорошего – я пока не заработала ни одного долга по учебе.

Из подозрительного – пока еще не вляпалась в новые неприятности. Хотя, зная себя – это временно.

Из постоянного – отец со мной по-прежнему не разговаривает. А мама звонит два раза в неделю, всегда в одно и то же время, когда папа находится в офисе. Вздыхает в трубку и мягко, осторожно, почти виновато говорит:

– Анита, ну ты же знаешь папу. Ему нужно время.

Да знаю я папу. Очень хорошо. В этом-то и проблема…

Ему всегда нужно время. И всегда быть правым тоже. И желательно, чтобы последнее слово тоже оставалось за ним.

А мне было нужно, чтобы меня просто поняли, а не воспитывали. Чтобы хоть кто-то не пытался «объяснить», как мне правильно чувствовать. Но, видимо, я слишком многого хочу от своей семьи.

Папа не отступит: уж слишком упрямый. Я, к сожалению, вся в него. Поэтому мы уже полгода оба сидим по своим углам и ждем, кто сдастся первым. Спойлер: никто.

Спустя пять минут забега я сворачиваю за угол и толкаю тяжелую стеклянную дверь нашего любимого с подругами кафе. Сразу же замечаю девчонок, сидящих возле окна. Ира что-то рассказывает, как обычно, активно жестикулируя, Аврора смеется, прикрывая рот рукой. Обеих пламенно обожаю! Прямо с первого дня нашего знакомства, состоявшегося в феврале – сразу после моего переезда в Санкт-Петербург.

Вот только собираться втроем у нас сейчас получается редко. Чуть больше месяца назад Ира родила очаровательного, розовощекого богатыря – Тимошку-картошку. И сейчас молодая мамочка проводит девяносто девять процентов своего времени дома с мужем и сыном, лишь изредка выбираясь на часик-другой получить от нас с Рори порцию универовских новостей.

Я подхожу к столику и чмокаю девчонок в щеки. Скидываю рюкзак на свободный стул и плюхаюсь рядом, хватаясь

за меню.

– Я голодная как волк, девочки!

– Опять Аркадий Дмитрич задержал, – констатирует Ира, окидывая меня сочувствующим взглядом.

– Ага. Чуть не умерла в ожидании, пока он закончит. Честное слово, если бы Дмитрич продолжил говорить и затянул все это издевательство еще хотя бы на пять минут, я бы точно начала грызть парту. Клянусь! – жалуюсь и, почти не глядя на официанта, заказываю пасту с морепродуктами.

– О, он настоящий фанатик, – вздыхает Аврора. – Может часами напролет рассуждать об искусстве, забывая, что не все такие же, эм…

– Чокнутые? – фыркает Сотникова.

– Зацикленные.

Мы с девчонками переглядываемся, хохоча. Напряжение немного отпускает меня. А вот голод – нет. И едва официант приносит мою огромную порцию, я накидываюсь на нее так, будто не ела уже неделю.

– Морозова, ты хотя бы жуй, а не заглатывай, как утка, – усмехается Ира, подпирая подбородок рукой. – А то подавишься, кто тогда меня по истории искусств просвещать будет, пока я в «учебном декрете»?

– Уж точно не… – все же давлюсь, закашлявшись, тут же получая несколько ощутимых хлопков по спине.

– Кстати, как там твои соседи? Не шумят?

Я проглатываю кусок, вставший в горле, и мотаю головой.

– Да вообще тишина. Ир, спасибо тебе еще раз за квартиру. Я не знаю, что бы делала, если бы не ты.

– Ой, да брось, – отмахивается подруга. – Она все равно стояла пустая. Главное, коммуналку вовремя плати, а то разбираться с квитанциями мне сейчас точно некогда.

– Плачу день в день, – заверяю я. – Сложно быть родителем, да? – спрашиваю с улыбкой.

– Не то слово! Тимошка отнимает все мои силы, время и внимание. Пеленки, распашонки, кормления по расписанию, бессонные ночи и постоянные прогулки. А еще Тим не любит спать в кроватке, поэтому его постоянно приходится качать на руках. У меня бицепсы уже больше, чем у мужа.

Мы с Авророй смеемся.

– Груднички – это утомительно, – подводит итог молодая мамочка.

– Но еще и умилительно! – замечает Аврора. – У него такие крохотные пальчики, сладкие щечки, и он так вку-у-усно пахнет, – говорит мечтательно. – Я фанатка вашего с Сотниковым сына. Вы двое умудрились создать нечто прекрасное.

– Мы старались, – поигрывает бровями Ира. – Как, кстати, у тебя с предками? – смотрит на меня подруга. – Помирились?

– С мамой я и не ругалась. Пару недель назад призналась ей в расставании с Сережей. Она долго ахала и охала, раз сто повторила, что папа был прав. Но, кажется, смирилась, что обратно в Иркутск я уже не вернусь. Звонит пару раз в неде-

лю и помогает деньгами, так что я пока держусь на плаву.

– А отец так и молчит? – тихонько спрашивает Аврора.

Я вздыхаю и отодвигаю тарелку в сторону. Аппетит немного угасает.

– Молчит. Уперся рогом и ждет, что я приползу на коленях, признав свою ничтожность. А я не приползу!

– И правильно сделаешь, – отрезает Ириска. – Посидит, подуется и успокоится. Ты у него единственная дочь как-никак. Никуда он не денется. Я уверена, вы обязательно помир… – подруга ловит мой полный скепсиса взгляд и тут же захлопывает рот. Но ее хватает ровно на пару секунд молчания. – Ладно, проехали эту тему. Ты лучше скажи, когда на свидание пойдешь?

Я давлюсь воздухом.

– Какое еще свидание, Ир? Я всего месяц как рассталась с парнем. У меня психологическая травма, разбитое сердце и полное, возможно на всю жизнь, разочарование в мужском поле!

– Ой, да ладно тебе драматизировать. Попался раз в жизни один урод, и ты сразу на всех ярлыки повесила. Месяц уже прошел. Пора выходить в люди, а то ты так и будешь сидеть вечерами в обнимку со своими книжками про идеальных лордов и боссов.

– Мои книжки меня хотя бы не выгоняют из дома, – парирую я.

– Зато они не умеют чинить кран и не носят кофе в по-

стель, – замечает Аврора, помешивая остатки латте. – Анита, Ира права. Тебе нужно развеяться. Никто не гонит тебя сразу под венец. Просто сходи с кем-нибудь в кино. Поешь попкорн в приятной компании.

– Девочки, вы не понимаете! – я скрещиваю руки на груди, надувшись. – Не хочу я просто в кино. Я не собираюсь тратить время на парней, которые сегодня говорят одно, а завтра другое. Хочется по-настоящему. Чтобы человек сказал и сделал. Чтобы на него можно было положиться. А не вот это все!

– Да все понятно с тобой. Принца ты хочешь, – резюмирует Сотникова.

– Хочу, – упрямо киваю в ответ. – И пусть это звучит глупо, но я имею на это полное право.

– Но их не существует.

– Ну и пусть, значит, закончу свою жизнь в обнимку с десятью кошками. Уж лучше так, чем с каким-то придурком, для которого я буду просто удобной.

Подруга закатывает глаза, но больше не спорит.

Мы сидим в кафе еще около часа, болтая об универе и всякой ерунде, пока Ира не начинает поглядывать на часы. Только тогда допиваем кофе, рассчитываемся и выходим на улицу. Еще немного стоим у входа, обсуждая, когда снова сможем собраться втроем, потом обнимаемся и расходимся. Девчонки отправляются по своим делам, а я спускаюсь в метро. Дойдя до дома, захожу в подъезд. Мимоходом здоро-

ваюсь с консьержкой тетей Валей и вызываю лифт.

Обычно на нашей лестничной площадке царит идеальная тишина, но не сегодня…

Едва двери лифта разъезжаются на нужном этаже – моим глазам открывается удручающая картинка. Наш просторный коридор завален чужими вещами, мебелью и стоящими друг на друге коробками, образующими шаткие башни. А прямо у лифта, мешая пройти, примостился горшок с огромным, зеленым папоротником.

Я моргаю, пытаясь осознать весь масштаб бедствия. Кое-как протиснувшись, чтобы не поломать ветки цветка, выхожу из лифта. Его двери тут же смыкаются за моей спиной.

Кто-то въезжает в соседнюю квартиру? В ту самую, что пустовала, сколько Ира себя помнила?

И этот кто-то, похоже, не подумал о том, как будут попадать в свое жилье соседи, у дверей которых он разложил свои вещи. М-да, весело, ничего не скажешь…

Неожиданно со стороны лестницы слышатся тяжелые шаги. В поле моего зрения появляются двое грузчиков в синих комбинезонах. Мужчины – пыхтя и отдуваясь – тащат собранный модный комод.

Я вжимаюсь в стену, пропуская их.

– Куда ставить, хозяин? – хрипло спрашивает один из них, вытирая рукавом спецовки пот со лба.

– Тащите пока в коридор, мужики. Только аккуратнее, не поцарапайте! – доносится из глубины соседской квартиры.

И я невольно оборачиваюсь на знакомый голос, а мое сердце начинает биться с удвоенной скоростью.

Этот голос. Низкий. Глубокий. С легкой, едва уловимой насмешливой хрипотцой. Я слышала его один раз – ровно месяц назад, когда стояла посреди Сережиного двора с тюбиком закончившейся помады в руках.

Нет.

Нет-нет-нет.

Этого просто не может быть!

Питер – огромный город. Здесь сотни тысяч домов. Население больше пяти миллионов человек! Какова вероятность, что владелец изрисованного мною внедорожника поселится именно за моей стенкой? Да никакая! Наверняка я ослышалась.

– Много у нас еще вещей внизу? – снова *этот* голос.

– За час перетаскаем.

– Осталось так, по мелочам.

– Мала, но никогда не равна нулю, – шепчу я себе под нос.

Все-таки это он. Сомнений нет.

Ладно, Морозова, сейчас главное – добраться до своей квартиры. И желательно без новых приключений.

Грузчики скрываются в соседской квартире вместе с комодом, и я, решив не дожидаться хозяина, осторожно обхожу ближайшую стопку. До моей двери остается всего пара метров.

Но моя удача сегодня взяла выходной. Протискиваясь

между диваном и коробками со строительными материалами, я не рассчитываю габариты рюкзака. Лямка цепляется за угол верхней коробки. Я дергаю ее, пытаясь освободиться, и тут же понимаю, что совершила огромнейшую ошибку: вся стопка опасно кренится в мою сторону.

– Ой-ой-ой! – хватаюсь за ближайшую коробку обеими руками, но удержать ее не успеваю. С оглушительным грохотом все четыре падают на бетонный пол. У одной расходится дно, и кисточки, валики и шпатели разлетаются по тамбуру.

Я зажмуриваюсь и инстинктивно втягиваю голову в плечи.

Трын-дец!

– Да вы издеваетесь! – раздается тот самый низкий, глубокий голос совсем рядом. – Что за слон тут пробе… – шаги стихают прямо передо мной.

Я медленно выдыхаю и открываю глаза. Сначала в поле моего зрения попадают мужские ноги в стильных кроссовках. Затем – серые спортивные штаны, низко висящие на бедрах. Широкая грудь в обтягивающей серой футболке. И наконец лицо.

Лицо человека, которого я рассчитывала больше никогда не увидеть. Тем более под собственной дверью…

Ну что за пиз…анская башня!

Темные, вьющиеся волосы мужчины слегка растрепались. На лбу блестит испарина. А зеленые глаза скользят по рассыпанным инструментам, затем по моим кроссовкам и медлен-

но поднимаются к моему лицу. На секунду в них мелькает раздражение. Потом легкое удивление. И наконец узнавание.

Губы моего нового соседа медленно растягиваются в усмешке. Он засовывает руки в карманы спортивок, слегка склоняет голову набок и, глядя на меня, как на любопытную зверушку, мурлычет:

– Хулиганка? Неужто пришла вернуть должок?

Я стою среди чужих разбросанных мною вещей, крепко прижимая к груди свой рюкзак, и чувствую, как щеки заливает предательский румянец. Жгучий. Непозволительно яркий. Еще и язык прилипает к небу. А ведь нужно что-то срочно сказать, Морозова! Что-то дерзкое. Что-то, что поставит этого самоуверенного придурка на место. Щелкнет по носу!

Но…

Как мы помним, мой мозг предпочитает капитулировать в критических ситуациях. Поэтому я выпаливаю первую пришедшую в голову чушь:

– Я вообще не хулиганка! Вы меня с кем-то перепутали, мужчина! – пищу и со всех ног даю деру в сторону лестницы. На бегу больно ударившись о банку с краской и нечаянно пнув очередную коробку, бросаюсь вниз.

– Опять напакостила и сваливаешь? – доносится сверху насмешливый бас. – Убирать за собой кто будет? Тормози, чокнутая!

Мое испуганное сердце скачет по ступенькам впереди ме-

ня. Быстро перебирая ногами, я спускаюсь на пару этажей и пулей пролетаю до конца коридора. Останавливаюсь у подоконника. Оглядываюсь. Погони нет. Прислоняюсь спиной к холодной стене и на несколько секунд прикрываю глаза. Вот это попадосище!

Спустя час наверху воцаряется тишина. Только тогда я решаюсь подняться и осторожно выглядываю на площадку своего этажа.

Пусто. Коробки убраны. Грузчиков нет. Соседняя дверь плотно закрыта. Коридор свободен. Бинго!

На цыпочках подкрадываюсь к своей квартире, вставляю ключ в замок, поворачиваю его так тихо, как только могу, и ныряю внутрь. Закрываю дверь на оба замка и задвигаю защелку. Прислоняюсь спиной к прохладному металлу и сползаю на пол.

– Катастрофа-а-а, – шепчу в пустоту прихожей. – Это просто ка-та-стро-фа!

Остаток дня провожу как на иголках, вздрагивая от каждого шороха на лестничной клетке и шума стройки за стеной. На ужин готовлю себе простую яичницу. Съедаю ее, даже не почувствовав вкуса. Пытаюсь почитать, но строчки любимого романа плывут перед глазами, а главный герой кажется пресным и скучным. Вдобавок ко всему в моей голове упорно всплывают насмешливые зеленые глаза и бархатный смешок. А еще не дает покоя мысль: какие они все-таки на ощупь, те самые темные, короткие кудряшки на макушке

соседа…

– Морозова, тормози! – приказываю себе, захлопывая книгу. – Не хватало еще думать об этом хаме! Он просто сосед. Завтра я пройду мимо него с гордо поднятой головой, скажу холодное «здрасьте» и всем своим видом покажу, что он для меня пустое место и я его ни капельки не боюсь. Вот!

От этой мысли становится немного легче.

Когда на город опускается ночь, сладко потягиваюсь и встаю с дивана. Завязываю волосы в небрежный узел и решаю заварить себе ромашковый чай. Говорят, он успокаивает нервы и все такое. Да и за стенкой наконец-то становится тихо. Можно отдохнуть от какофонии звуков.

С облегчением выдохнув, наливаю кипяток в любимую желтую кружку и уже собираюсь пойти обратно к дивану, когда тишину квартиры разрезает трель дверного звонка.

Останавливаюсь и смотрю на дверь.

Половина восьмого. Ира не предупреждала, что приедет. Аврора тоже. Курьера я не заказывала. Больше «гостей» у меня быть не может. Тогда кто это?

Звонок повторяется. Коротко. Настойчиво. Нетерпеливо.

Я ставлю кружку на столик и подхожу к двери. Прикладываю руку к замку, но, тут же замешкавшись, решаю посмотреть в глазок. По ту сторону видна лишь темная площадка и размытый силуэт, который, собственно, не составляет труда идентифицировать.

Черт…

– Я знаю, что ты там. Открывай, давай, соседка, – доносится из-за двери знакомый голос с ленивой усмешкой. – Обсудим твой мне моральный ущерб.

Глава 3

«Обсудим ущерб».

Надо же, каков наглец!

Да это мне нужна компенсация за испорченные нервные клетки и седые волосы, которые, я уверена, уже начали появляться на моей голове! А еще за то, что из-за его чертовых коробок я чуть не переломала себе сегодня все ноги!

Стискиваю зубы и рывком поворачиваю защелку, с силой дергая ручку на себя. Распахиваю дверь с твердым намерением высказать этому самоуверенному придурку все, что я думаю. Набрав в грудь побольше воздуха для разгромной тирады, открываю рот. И…

Зависаю.

Все слова тут же застревают в горле, а мозг выдает ошибку. Потому что на пороге стоит ОН. И он... голый. Ну, почти. Если не считать серых, плотно обтягивающих боксеров, которые сидят на узких бедрах настолько низко и преступно сексуально, что это должно быть запрещено законом. И пушистого белого полотенца, небрежно перекинутого через плечо.

Мой взгляд – абсолютно предав свою хозяйку – совершает неконтролируемый забег сверху вниз по мужскому телу. Рельефные мышцы груди, идеальные, прорисованные кубики пресса, темная дорожка волос, сбегающая от пупка вниз и...

О, Анита, не смотри ниже пупка! Не вздумай, кому говорю! Неприлично!

Я буквально чувствую, как мои щеки наливаются краской. Меня бросает в пот, а в горле пересыхает.

Ну за что мне это все? Почему этот придурок не может быть старым, пузатым дедом в растянутых трениках? Мне было бы легче, если бы он хоть на капельку был не таким горячим! Но почему-то мироздание решило наказать именно меня таким извращенным способом, а не осчастливить какую-нибудь другую девчонку, которая была бы только рада такому соседству.

А я вот не рада! Эй, вселенная, слышишь? Совсем не рада! Забери его обратно! Или хотя бы научи одеваться, а не ходить по соседям в чем мать родила!

А сосед тем временем лениво опирается плечом о косяк. В его зеленых глазах пляшут откровенно насмешливые черти. Он прекрасно видит мою реакцию. И, кажется, наслаждается каждой отведенной ему секундой.

– Насмотрелась, Хулиганка? – мурлычет наглец своим низким голосом, от которого по моим рукам бегут мурашки. – Или мне покрутиться, чтобы ты и со спины оценила?

Я резко вскидываю голову.

– Что... что ты... – возмущение настолько велико, что я просто задыхаюсь. – Почему ты в одних трусах?!

– Без них было бы совсем некультурно, – невозмутимо парирует сосед. – А еще на мне толстый слой пыли, потому что

рабочие решили, что устанавливать ванну до моего заезда не прикольно. А мне, как бы тебе помягче сказать... нужно смыть с себя этот день.

Он делает шаг вперед.

Я инстинктивно отступаю назад.

– И что? Мне-то какое дело до твоих проблем?!

– Прямое. Ты мне, вообще-то, должна.

– Должна?

– За моральные страдания от созерцания твоих художеств на моей тачке, – нагло заявляет невыносимый тип и делает еще один плавный шаг вперед.

– Эй! – вскидываю руки, словно это может остановить гору мышц, прущую прямо на меня. – Я же сказала, что перепутала! И вообще, мы так не договаривались!

– Разве?

Еще шаг, и этот наглец бесцеремонно переступает порог моей квартиры и по-хозяйски уверенно направляется прямиком по коридору в...

Стоп.

Что он делает?!

– Эй! – отмираю я, захлопывая входную дверь, и бросаюсь за ним вдогонку. – Куда ты пошел?! А ну стоять!

Сосед даже не оборачивается, лишь безошибочно сворачивает в сторону санузла.

Я влетаю в коридор следом за ним, едва не поскальзываясь на гладком ламинате, и торможу только тогда, когда пря-

мо перед моим носом захлопывается белая дверь. Щелчок металлической задвижки бьет по натянутым нервам так резко, что я вздрагиваю всем телом.

Мой мозг просто отказывается переваривать реальность. В моей квартире. За моей дверью. Прямо сейчас заперся абсолютно чужой, до неприличия огромный и уже наверняка совершенно голый мужик. И ведет себя при этом так, будто зашел к себе домой после тяжелого рабочего дня!

Воздух застревает где-то в горле. Ступор спадает лишь тогда, когда из-за тонкого полотна доносится шум включенной воды, бьющей о дно акриловой ванны.

Я подлетаю вплотную и начинаю неистово колотить кулаками по дереву.

– Эй, ты! Выходи немедленно! – кричу так громко, что у самой звенит в ушах. – Ты вообще в своем уме? Немедленно убирайся с моей территории! Слышишь?!

Шум воды не стихает. Наоборот, к нему добавляется какой-то подозрительный плеск. Я бью по двери ногой, тут же больно отбивая пальцы в мягком тапке. Со свистом втягиваю воздух сквозь сжатые зубы.

– Не могу. Я уже мокрый, – лениво отзывается сосед.

– Мне плевать! Выметайся, или я прямо сейчас вызываю полицию!

Шум потока слегка приглушается, и следом сквозь преграду пробивается его издевательски расслабленный голос:

– Да ладно тебе, Хулиганка, не кипятись. Ты же не хочешь,

чтобы я вышел прямо сейчас? Я ведь уже намылился. Хотя, если ты настаиваешь, то можешь присоединиться.

Моя рука, занесенная для очередного удара, безвольно повисает в воздухе. Я задыхаюсь от возмущения.

– Что ты сказал?!

– Заходи, говорю, – доносится с той стороны. Мужской голос становится чуть ниже, а эта ленивая, тягучая хрипотца оседает где-то под моей кожей. – Потрешь мне спинку. А то я сам не дотягиваюсь.

Щеки обдает таким жаром.

– Я тебе ее наждачкой потру! – яростно шиплю я, прижимаясь горячим лбом к прохладной двери. – До самых костей, придурок!

– М-м-м, обожаю темпераментных.

Ему весело. Ему, черт возьми, смешно! А мне вот совсем нет!

Отступаю на шаг. Дыхание сбивается, сердце колотится где-то в районе горла. Осознание того, насколько это интимно – чужой мужчина, принимающий душ в паре метров от меня, – накручивает внутреннюю пружину до предела.

Нужно что-то делать. Стоять и покорно ждать, пока этот захватчик соизволит намыться, я не собираюсь. Мне нужно оружие. Хоть что-то, чем можно выгнать взашей этого наглеца!

Я начинаю лихорадочно метаться по тесному коридорчику, нервно покусывая губы.

Вдох-выдох. Спокойно, Анита!

Тебе нужно оружие. Хорошо, если это будет что-то увесистое. Швабра? Нет, не пойдет: сломается еще, потом новую покупай. Сковородка? Слишком рискованно, не хочу сидеть в тюрьме из-за какого-то кретина. Тогда что?

Взгляд падает на диван, где, небрежно откинувшись на спинку, лежит он. Моя огромная, в полный рост дакимакура с изображением Серкана Болата.

Класс! То, что нужно!

Я влетаю в комнату, хватая плюшевого любимца поперек туловища, и возвращаюсь на исходную позицию, сжимая подушку так крепко, что у бедного Серкана наверняка должны были пойти трещины по нарисованным ребрам.

– Ну давай, выходи, – бормочу я себе под нос, раскачиваясь на пятках, и чувствую, как внутри закипает адреналин. – Я тебе устрою спа-процедуры, мерзавец!

Шум воды стихает.

Проходит минута. Раздается щелчок. Замок поддается. Дверь медленно открывается, выпуская в прохладный коридор влажное облако пара.

Я до хруста в пальцах сжимаю дакимакуру. На пороге появляется этот наглец. И лучше бы он, честное слово, оставался за закрытой дверью!

Мой бесячий сосед выглядит… возмутительно и неприлично горячим. Темные волосы влажными, непослушными кудряшками спадают на лоб. По идеальному, литому рельe-

фу груди скатываются одинокие капли. А все, что скрывает его от окончательного бесстыдства, – это его же белое махровое полотенце, которое держится на его бедрах исключительно на честном слове и какой-то необъяснимой магии.

Но добивает меня не внешний вид.

А то, что мужчина делает намеренный шаг в мое личное пространство и меня с головой накрывает запахом. Густым, сладким ароматом клубники и карамели.

Втянув носом воздух, я замираю в тотальном шоке. Этот двухметровый мужлан прямо сейчас благоухает моим любимым, сугубо девичьим гелем для душа! Тем самым, который я только вчера купила!

Он останавливается слишком близко. Настолько, что я чувствую обжигающее тепло, исходящее от его влажной кожи. Чуть склоняет голову и медленно, с тяжелым, откровенно мужским прищуром скользит по мне взглядом. От растрепанной макушки, по вцепившимся в подушку рукам, до самых дурацких розовых тапочек. И от этого внимания внизу живота все мгновенно стягивается в тугой, пульсирующий узел.

– Ты… Ты вымылся моим гелем?!

– У тебя отличный вкус, Хулиганка. Чувствую себя клубничной конфеткой. Съесть не хочешь?

Не выдержав его насмешливого взгляда, я срываюсь. С возмущенным писком бросаюсь вперед и начинаю яростно лупить незваного гостя Серканом Болатом.

– Ах ты! Наглый! Самоуверенный! Мерзавец! – каждый выкрик сопровождается глухим ударом мягкого плюша.

Хрясь по литому плечу! Хрясь по широкой спине, когда он со смехом поворачивается боком! Хрясь прямо по обернутой в полотенце заднице!

– Эй-эй, полегче, женщина! – мужчина вскидывает руки, больше для вида, даже не пытаясь защищаться всерьез.

– Пошел вон! Вон из моей квартиры! – наступаю я, нанося новый удар мягким турком, но этому типу хоть бы что. – Вор клубничных гелей! Извращенец!

Сосед даже не думает злиться. Его накрывает откровенным, заразительным хохотом. Бархатный смех заполняет коридор, заставляя вибрировать стены.

– Тормози, чокнутая! – играючи уворачивается он от очередного взмаха. – Ухажера своего порвешь!

– Тебя порву! Выметайся!

Несмотря на габариты, двигается негодяй поразительно легко. Послушно отступает под моим натиском. Шаг за шагом пятится к выходу, пока не оказывается за порогом, в общем тамбуре.

Я резко торможу на границе своей территории. Грудная клетка тяжело вздымается, волосы лезут в лицо, но внутри искрится жаркое чувство триумфа. Я отвоевала свою крепость!

Мужчина стоит напротив. В тусклом свете подъездной лампы капли воды на его плечах мягко блестят. И он все еще

улыбается. Засранец!

– Куплю я тебе новый гель, жадина.

– Иди к черту, придурок! – с чувством бросаю я и хватаюсь за металлическую ручку входной двери, потянув ее на себя.

Пытаюсь ее захлопнуть прямо перед невыносимо красивым лицом соседа, поставив в этом сумасшедшем дне огромную, жирную точку. Но за долю секунды до того, как дверь должна была спасительно щелкнуть, происходит то, к чему я абсолютно оказалась не готова.

Сосед делает неуловимо быстрый выпад. Его широкая ладонь с глухим, жестким стуком врезается в металл, намертво блокируя дверь. Я судорожно вдыхаю, когда он перехватывает ее длинными пальцами и непреодолимой силой тянет на себя. Подается вперед, безжалостно уничтожая безопасное расстояние между нами.

В его глазах больше нет насмешки. Зелень темнеет, становясь тяжелой, пронзительной и пугающе серьезной.

Я цепенею. Пальцы до боли в костяшках впиваются в ручку. Все-таки маньяк?!

Мужчина склоняется к моему лицу. Сквозь мой сладкий гель пробивается его собственный терпкий запах кожи. И низким, рокочущим шепотом, от которого по позвоночнику мгновенно осыпается горячая дрожь, произносит:

– Один-один, Хулиганка. Но в следующий раз в твоей ванной мы будем мыться вместе.

Он не дает мне ни секунды на ответ. Сам разжимает пальцы, отпускает дверь и бесшумно отступает назад, заходя к себе в квартиру.

А я так и остаюсь стоять на пороге, судорожно вцепившись в ручку. Смотрю в пустой тамбур и абсолютно ничего не могу поделать с тем, что мое сердце прямо сейчас бьется о ребра так неистово, будто собирается их проломить.

Глава 4

Если бы в аду существовали будильники, то они наверняка имитировали бы звук работающего в восемь утра соседского перфоратора. Ибо ничего более раздражающего в своей жизни я еще не слышала.

В общем, следующим утром я открываю глаза с первым же громким «бж-бж» за стенкой. Открываю и впериваю взгляд в потолок, уже заведомо ненавидя этот день и своего нового соседа. Провожаю взглядом играющие на потолке солнечные блики и проклинаю наглого верзилу, живущего за стенкой, за все и сразу. Его и поколения его предков на пару веков вперед.

«Бж-ж-ж-ж».

Достаю телефон из-под подушки, бросая взгляд на время. Семь пятьдесят девять. Мне сегодня к третьей паре. Я могла еще два часа сладко давить подушку. Капец!

«Бж-бж-бж».

«Бж-ж-ж-ж-ж-ж».

– Хватит, пожалуйста! Прекрати-и-и!

Я стискиваю челюсти и накрываю голову подушкой, чтобы хоть как-то приглушить эту плохо поставленную «музыкальную» пытку моих ушей. Собираю оставшиеся крупицы своего терпения и медленно считаю до пяти.

И, о чудо, долбежка прекращается.

Секунда.

Вторая.

Третья.

Я стягиваю с лица подушку и взглядом, полным мольбы, смотрю на злосчастную смежную с соседской квартирой стену, сохраняя маленькую надежду на то, что у кудрявого верзилы проснулась совесть или умер инструмент. Но…

«Бж-бж-бж».

«Бж-ж-ж-ж-ж-ж-ж» – еще протяжнее, увереннее и громче.

– Да твою же… ядреную букашку!

Мои нервные окончания скручиваются в морские узелки. Я подскакиваю с кровати и шлепаю в коридор, топая как стадо бизонов на водопой. Решив прибегнуть к старому, проверенному, «дедовскому» способу связи с соседями, хватаю крепкую металлическую обувную ложку и, вернувшись в спальню, со всей дури колочу ей по трубам. Поднимаю шум по всему стояку нашего подъезда. Колочу от души, представляя на месте несчастной, старой чугунной трубы накачанную задницу мерзавца-соседа.

«Дзынь».

«Бж-ж-ж-ж».

«Дзынь».

«Бж-ж-ж-ж».

«Дзынь-дзынь-дзынь!»

Шум за стенкой резко обрывается.

Я – раскрасневшаяся и растрепанная – тоже замираю, занеся руки над трубой для нового удара. Делаю глубокий вдох носом, прорычав:

– Надеюсь, месседж принят? – обращаясь к стене, словно это она виновата в моем раннем подъеме.

«Бж-ж-ж-ж-ж».

– Да чтоб тебе на плечо голубь насрал, мерзавец!

Вспыхнув, отшвыриваю «ложку» на кровать и запрыгиваю в свои розовые тапочки в виде хрюшек. Вылетаю из своей квартиры так решительно, словно за моими плечами стоит целая армия кавалеров, готовых набить соседу рожу. Совершенно не думая о том, что в данный момент вся моя одежда ограничивается одной длинной, растянутой футболкой, а мои волосы «модно» уложены в форму сеновала, и я даже не могу гарантировать, что у меня на щеке не остался красный след от подушки, тем не менее – я колочу в соседскую дверь сразу двумя руками, вкладывая в каждый удар кулаков все свое негодование. Стучу до тех пор, пока с той стороны не слышатся шаги и щелчок дверного замка.

Дверь резко распахивается. Я едва успеваю отскочить, чтобы не получить ей по физиономии. А перед моими глазами появляется другая. Физиономия. Наглая, слегка взлохмаченная, с капелькой пота на виске и дерзкой ухмылкой на губах, спрашивающая:

– Утро доброе. Решила помочь, Хулиганка?

– Ты мешаешь мне спать! – нападаю я без прелюдий, топ-

нув ногой в мягкой тапке скорее смешно, чем грозно.

– Правда? – совершенно неискренне удивляется мужчина. – Ух ты ж! Надо же, какая неприятность. Ну-у… спасибо, что сообщила, – салютует мне двумя пальцами от виска нахал и начинает закрываться.

– Что?! – офигев, спрашиваю я, хватаясь за дверь. – И это все? «Спасибо, что сообщила», серьезно? Что за необходимость сверлить стены в семь, блин, утра?!

Сосед бросает взгляд на спортивные наручные часы, черным ремешком обвивающие крепкое запястье.

– В восемь десять, вообще-то, пирожочек, – говорит он. А мои глаза против воли впиваются взглядом в голую, потную мужскую грудь.

Я сглатываю.

Этот мерзавец почти голый.

Снова.

– И у тебя что, аллергия на футболки? – вылетает из моего рта с претензией прежде, чем я успеваю заткнуться.

– Что, прости? – звучит насмешливое, что тут же отрезвляет.

Я вскидываю взгляд и встречаюсь с издевательской зеленью соседских глаз. Чувствуя, как щеки начинают пылать от смущения – потому что, черт побери, меня только что ОПЯТЬ застукали за разглядыванием торса! Воинственно свожу брови к переносице и напускаю в тон недовольства, бросая:

– Я говорю, что было бы чудесно, если бы ты отложил свой чертов ремонт на пару часов, *пирожочек*, – зафиналиваю свою просьбу-угрозу натянутой улыбкой и воинственно скрещенными на груди руками.

– А мне послышалось другое, – будто красуясь, закидывает руку на косяк мужчина, чуть сдвигая ближе ко мне, отчего его жутко прокачанные грудные мышцы оказываются в тридцати сантиметрах от моего носа.

– Правда? – безразлично вскидываю я подбородок. – Тебе послышалось.

– Имеешь что-то против красивого мужского тела?

– Предпочитаю, чтобы чужое мужское тело при мне было одето.

Мужчина присвистывает.

– Ты случайно не председатель клуба «Ханжи Питера», Хулиганка?

– Ха-ха. А ты случайно не разработчик игры «Как достать соседа», парень?

– Надо же, мне послышалось или в твоем тоне проскочило одобрение?

– Тебе послышалось. Снова. Слушай, у тебя случайно нет проблем со слухом? Может, тебе стоит провериться у лора? А я и весь наш подъезд успеем доспать свои законные два часа.

– Весь наш подъезд уже давно просиживает задницу в пробках по пути на работу. На все девять этажей ты одна та-

кая засоня. Кстати, тебя случайно не Соней зовут?

– Оборжаться, как смешно! – закатываю я глаза. – Без шуток: хватит сверлить! – рычу, стиснув зубы, и, крутанувшись на пятках, возвращаюсь в свою квартиру.

Обернувшись на пороге, встречаюсь взглядом с соседом. Он подмигивает мне своим изумрудным глазом, хмыкая:

– Конечно, пирожочек. Как скажешь, – и захлопывает дверь.

Ну что за невыносимый тип!

Пребывая в полной уверенности, что в этой битве я одержала триумфальную победу, – я стягиваю тапки и заползаю на кровать, мечтая как можно быстрее отключиться и доспать свои законные два часа до звонка будильника.

Однако едва мое лицо утопает в бамбуковой подушке, как тишину квартиры снова взрывает отвратительно громкое «бж-ж-ж-ж».

– Ар-р-р!

Я его убью!

Убью и сяду за убийство!

И ни на мгновение не пожалею о содеянном!

Может, хоть в тюрьме высплюсь.

Заползая с головой под две подушки и толстое одеяло – под которым я сплю даже в жаркие летние дни – я изо всех сил стараюсь снова уснуть. Абстрагироваться от реальности. Отключить свои уши от тела. Забить на нервирующие звуки. Я даже прибегаю к методу «считания овец»!

Ничего не помогает.

Более того, уже через пару минут в моем коконе из постельного белья заканчивается воздух и мне приходится разобрать нагороженную на голову конструкцию и снова уставиться в несчастный потолок.

Хотя нет, несчастная в этой комнате только я.

А еще злая.

Очень-очень злая!

С каждым новым продолжительным «бж» мой глаз начинает дергаться сильнее. Пять минут спустя, я уверена, он «пляшет» четко в ритм с соседским перфоратором. А когда еще через пять я начинаю различать за стенкой мужские голоса, командный тон соседа, топот нескольких пар ног и звуки сразу кучи работающих инструментов, превращающихся в настоящий гребаный оркестр, – меня снова взрывает! Я подрываюсь с постели раньше, чем успеваю четко сформулировать в своей голове план дальнейших действий.

Нет, вообще-то, я девушка неконфликтная. Милая. Нежная. Добрая. Все понимающая. И всегда входящая в положение других людей. Но сегодня… сегодня был первый день за целый месяц, когда чертова лекция по «современному искусству» отменилась и мне не нужно было проходить через весь дорожный ад, пытаясь успеть к восьми утра на пары.

Я. Могла. Выспаться!

Но мне не дали.

И теперь моя злость сопоставима со злостью тысячи чер-

тей, сбежавших из преисподней! И сейчас эти «тысяча чертей» выскакивают из квартиры, на этот раз даже не озаботившись тем, чтобы надеть тапки на босые ноги.

Сначала я дергаюсь в сторону соседской двери. Но тут же торможу себя, понимая, что снова разговаривать с этим животным без толку. Меняю траекторию движения и открываю дверь в наш общий тамбур, выходя на лестничную площадку.

Грозно шлепаю босыми ступнями прямо по холодному бетону к электрощиткам. У металлических створок с показателями электроприборов зависаю, стискивая зубы так сильно, что еще чуть-чуть, и этот придурок с кубиками должен будет мне денег на новые виниры.

И где здесь его квартира?!

Почему ничего не подписано?!

Кому и куда жаловаться, м?!

Пыхтя от раздражения, решаю действовать логически – хотя мы все уже знаем, что логика не самая моя сильная сторона – и, открыв левую дверцу, жмякаю на верхний рубильник, отключая – как мне хочется верить – электричество в квартире соседа.

Прислушиваюсь.

Из логова чудовища не доносится ни звука.

Я победно задираю нос. То-то же!

Довольная собой, крутанувшись на пятках, возвращаюсь к своей двери. Но в проеме тамбура едва не врезаюсь во что-

то носом. Во что-то потное, пыльное, голое и капец какое знакомое.

– Что за… – выругиваюсь и вскидываю взгляд, роняя челюсть.

– Развлекаешься, Хулиганка? – будничным тоном интересуется сосед, весело сверкая глазами.

Я лишь хмыкаю. Решаю не удостаивать мужчину своим вниманием и, все с таким же гордым видом, протискиваюсь между крепким телом и бетонной стеной и топаю к себе, когда мне в спину прилетает:

– Любопытный способ экономить на электричестве. Возьму на вооружение.

Эта фраза заставляет меня замереть.

А, пару секунд подумав, и обернуться, интересуясь:

– О чем ты, черт возьми?

– Ну другого объяснения тому, что ты вырубила свет в своей квартире, я не нашел.

– Я не… – округляю глаза. – Я ничего не вырубала… Себе не вырубала! – густо краснею.

– Мне жаль тебя огорчать, пирожочек, но именно это ты только что и сделала. Кстати, должен предупредить: когда в следующий раз будешь совать свои длинные пальчики в щиток, помолись. А то вдруг током долбанет. Так будет хоть какой-то шанс на спасение.

Я стою, растерянно хлопая глазами, пока мужчина, самодовольно хохоча, возвращается в свою квартиру. Черт. Черт,

черт, черт!

В общем, о том, чтобы доспать, больше нет и речи. Я уже слишком проснулась и чересчур завелась. Поэтому, исправив свою оплошность, под «задорную» долбежку перфоратора иду готовить себе завтрак и собираться в универ. Попутно строча девчонкам эмоциональные сообщения о том, какой же муд…рый сосед заехал в пустующую квартиру.

Из дома я выхожу на целый час раньше, чем планировала, – просто потому что и дальше слушать звуки за стеной нет никаких моральных сил. А провернуть снова фишку с отключением электричества не рискую. Слова об ударе током подействовали на меня слишком отрезвляюще. Не хотелось бы так глупо умереть.

Единственное, от чего я не смогла удержать свое маленькое и мстительное внутреннее «я», – это от записки. Хватая перед выходом розовый стикер, я вывожу черным маркером:

«Филиал ада. Работаем с 7:00 и до бесконечности».

Пририсовываю в конце раздраженную морду с рогами и прилепляю свое художество прямо под дверным звонком соседа. Довольная собой, ухожу из дома, будучи уверенной, что здесь последнее слово точно осталось за мной!

Однако я явно недооценила своего врага.

Возвращаясь поздно вечером, я обнаруживаю желтый стикер уже на своем дверном звонке. Пробегаю глазами по строчке, читая лаконичное:

«Если в подъезде душно, вы знаете, в какой квартире

нужно проветрить», – и завожусь, яростно сдергивая и комкая бумажку.

– Вот су…мчатое животное! Ну, окей, хочешь войны? Будет тебе война!

Глава 5. Раш

«Наталья, 32 года, мать-одиночка двоих ангелочков».

Не-а. Мило, но мимо. Не поймите меня неправильно, я не имею ничего против детей. Но синие волосы девушки на фотке и прикид, словно ее уже успел шарахнуть кризис среднего возраста, меня определенно смущают.

«Катерина, 25 лет, собачница со стажем, в арсенале три псына».

На мгновение мой палец зависает над экраном телефона, и я искренне задумываюсь – в какую сторону анкету этой красотки смахнуть. Поколебавшись всего пару секунд, смахиваю в ту сторону, где «нет». Если эффекта «вау» не случилось сразу, то не случится и потом. А натягивать сову на глобус – не моя история, насколько бы классно ни выглядели сиськи девчонки на фото.

Ладно, кто там у нас дальше?

«Лиза, 27 лет. Фотограф на фрилансе, увлекается сноубордингом, в свободное время катается на роликах. Кошек, собак, попугайчиков и детей – не имеет».

А вот это вариант.

Свайпаю фотку Лизы вправо и тут же проваливаюсь в чат, набирая прямо, без прелюдий:

Раш:*«Ты и я – завтра вечером. Что думаешь по этому поводу?»*

Отправлено. Снова возвращаюсь к потоку анкет сайта знакомств. Смахивая еще парочку девчонок «влево», забраковав.

Да, черт, я как последний неудачник зарегался на сайте знакомств и ищу себе приятную женскую компанию на ближайшие три выходных дня. Прошу понять, простить и не осуждать. Я занятой человек. У меня тяжелая работа и гребаный ремонт. Мне некогда таскаться по барам и цеплять девчонок офлайн. Поддерживаю себя в тонусе как могу, честное слово.

Парни напротив меня тихо переговариваются, пока наш служебный наглухо тонированный микрик несется по ночному городу на базу. Мы только что накрыли подпольное казино и задержали организовавших его олухов. Все прошло штатно: без травм, потерь и особого шума. Зашли, скрутили, вышли. Мы крутые ребята на страже закона и порядка.

– Мужики, как насчет в воскресенье двинуть в «Шайбу», там будет матч между «Локо» и «Магниткой», – предлагает наш хоккейный фанат Емеля. – Поддержим парней. Поболеем. Что скажете?

– У меня не получится, – первый отзывается Сокол. – Мы с Соней обещали Полинке выезд за город. Уже домик забронировали.

– Я тоже не могу, – говорит наш командир. – К нам прилетают родители повидаться с внуком. Нам будет не до хоккея.

– Ага, и я пас, – вздыхает Савицкий. – У нас с Рор оче-

редная веселая прогулка на эшафот.

– Это опять к тестю в гости, что ли? – хмыкаю я, отрывая взгляд от экрана.

В тачке поднимается веселый гогот. Глеб пихает меня локтем по ребрам. Я в последний момент успеваю поставить «блок». Просто тесть – пока неофициальный – Савицкого – генерал Виленский. Наше непосредственное руководство со стальными яйцами, непримиримым характером и командирскими замашками. Что неудивительно. Он умудряется строить бедолагу даже «на гражданке». И даже живя в трех десятках километров от него и драгоценной дочурки.

– Я на тебя посмотрю, когда в похожей истории окажешься, остряк, – обещает мне Савицкий.

– Я не окажусь.

– Угу, он сразу встрянет, – бросает кто-то из парней.

В салоне снова поднимается дружный мужской ржач.

Я ухмыляюсь, изображая, что мне трындец как смешно. Но на самом деле нет. Проклятье, меня до усрачки бесят эти счастливые женатики!

Тенденция последних двух лет в нашем отряде такова, что все успели «переженироваться». Не все официально, но факт остается фактом. Даже заядлых холостяков и тех самых «волков-одиночек», которые планировали крутить своими хвостами до самой глубокой старости, – крепко взяли за яйца их вторые половинки. У всех, блин, есть отношения! Счастливые, постоянные отношения с крутыми девчонками.

Я один.

И это вымораживает.

Чем я хуже, а?

Парни бросаются в обсуждение воскресного похода в бар. Я же давать свое согласие не тороплюсь в надежде на более «интересные» предложения. Продолжаю без излишнего восторга втыкать в экран телефона, пока не зависаю на очередной анкете, выцепив взглядом знакомое женское лицо на фото. Оценивающе разглядываю девушку в кремовом летящем платье. Все такая же. Подтянутая, высокомерная и с такой ровной осанкой, словно проглотила стальной прут. Балерина, чтоб ее. До мозга костей.

– Чувак, только не говори, что ты сталкеришь свою бывшую? – слышу тихий смешок Савицкого над правым ухом.

– Ой, иди в пень! – от души желаю другу, пролистывая еще парочку фоток Аниты. И на всех одно и то же. Величественная осанка, вытянутый «носочек», вздернутый подбородок и надменный взгляд, будто все мы в этом море анкет – говно под ее пуантами.

– Удивлен, что твоя опустилась до плебейских сайтов знакомств, – словно прочитав мои мысли, выдает Сава. – Неужто скачущие мужики в трико ее больше не привлекают?

– Она уже давно не моя.

– Только не вздумай словить ностальгию и написать этой стерве. Она несколько лет ебала тебе мозги. Поверь, Трошин, эта канитель того не стоит.

– Я похож на оленя, чтобы ей писать? – заламываю бровь, свайпая бывшую влево. – Она в прошлом. Благодаря ей у меня психологическая травма и физическая непереносимость Анит. Больше в жизни не свяжусь ни с одной Анитой! – клянусь себе и блокирую экран, пряча телефон в нагрудный карман. – Так что там с тестем? – поддеваю друга, переводя стрелки. – Планируешь накосячить? Готовиться нам к очередной внеочередной проверке или как?

Савицкий показывает мне средний палец, чем вызывает новый приступ хохота наших товарищей. И даже Сота – обычно сдержанный в шутках над начальством – посмеивается.

Ночь на базе проходит спокойно. Без потрясений. Расположение мы с парнями покидаем следующим утром – в начале девятого, передав смену другому отряду. До дома я добираюсь за час, сорок минут из которого толкаюсь в пробках. А едва переступаю порог своей квартиры, снова кроет ахреневанием от царящей вокруг разрухи.

Из двух комнат в человеческий вид приведена только одна – спальня. Ванная до сих пор стоит без ванны. Туалет с обшарпанными стенами, а гостиная и кухня выглядят как дома из фильмов ужасов, где вся мебель накрыта пленкой с толстым слоем пыли. Разница только в том, что моя пыль – строительная.

Временами я думаю, что сильно погорячился съехать со съемной квартиры в свою, сразу после покупки. Тут еще ра-

боты не на один месяц и не на одну зарплату. Но моментом себя одергиваю. Руки у меня не из задницы. Друзей много. Бригада строительная, к слову, тоже попалась неплохая и «со скидкой», так что…

Все разрулим.

Наскоро сварганив себе скромный завтрак из пары бутербродов, подкрепляюсь и переодеваюсь в старые спортивки. Врубаю музыку на полную мощь и вооружаюсь банкой с белой грунтовкой, приготовившись к новому ремонтно-трудовому дню.

***

– Завтра встречаемся? – ползут по моему голому торсу женские ладони, поглаживая. – В то же время, в том же месте, м-м? – прижимаются горячие губы между лопаток, оставляя неторопливые поцелуи на моей спине и плечах. – Что скажешь?

– Прости, – говорю я, останавливая девушку. – Завтра я на сутках, – бессовестно вру, натягиваю джинсы и застегиваю ремень, стягивая со спинки кровати свою футболку.

– Послезавтра тогда? – не сдается Лиза.

– Возможно, – уклончиво бросаю я.

– Серьезно? – меняется тон девушки – в нем проскакивает вызов и капелька недовольства. – Возможно, Марк?

– Ага, детка, возможно, – подмигиваю я. – На созвоне! – бросаю, чмокнув на прощание девушку в губы, и по-быстрому отчаливаю из чужой квартиры, пока не разразился скан-

дал.

Ненавижу бабские истерики.

Нет, первые дни было прикольно. Каждый вечер, упахавшись за день на собственной «стройке», приезжать и падать в объятия горячей красотки с сайта знакомств – верх мужской мечты. Та самая Лиза оказалась девушкой прогрессивных взглядов. Если вы понимаете, о чем я. Наш первый секс случился спустя всего два часа, проведенных в баре. Второй – в тот же вечер, у девушки дома. Девчонка – настоящая зажигалка. И по части отношений в горизонтальной плоскости у меня к ней вопросов нет. Но по части общего, человеческого – полное расхождение во взглядах и тотальное отсутствие общих тем для разговора. Не то чтобы я искал себе на сайте знакомств интересную собеседницу. Но бесконечно трахаться ведь тоже невозможно, правда?

Так что спустя неделю знакомства случилось то, что случалось со мной неизбежно каждый раз, когда я пытался завести отношения после расставания с бывшей, – Лиза начала мне надоедать. Искры не случилось. Пора было это признать. И найти способ аккуратно слиться.

До дома доезжаю за десять минут – город почти пуст, время подбирается к часу ночи, и, несмотря на все еще достаточно теплые сентябрьские вечера, большинство петербуржцев уже досматривают десятый сон.

Я пристраиваю тачку во дворе, на единственное свободное место, и поднимаюсь на свой этаж. На подходе к общей

с чудачкой двери, ведущей в тамбур, хмыкаю, узрев очередной новый «привет» под моим дверным звонком. На этот раз соседка не ограничилась одной саркастичной строчкой, расписавшись до целого язвительного объявления:

«Уважаемый жилец!

По результатам коллективного голосования вам запрещено пользоваться дрелью до конца текущей жизни. Нарушение запрета неминуемо приведет к штрафным санкциям в виде распределения в ад, с поселением в самый тесный котел без системы климат-контроля.

С уважением, люди, у которых есть нервная система»

Смеюсь, срывая бумажку.

Вот еще одна «девушка» в моей жизни. Только эта, в отличие от Елизаветы-фотографа-на-фрилансе, – с изюминкой. За последние семь дней, что я неизменно достаю Хулиганку звуками ремонтных работ, она извела на меня, наверное, уже целый блок стикеров и исписала упаковку шариковых ручек. Каждый раз подходя к запискам с фантазией.

Но и на этом изобретательность соседки не закончилась. Видимо, мой ремонт слишком сильно триггерил малышку, потому что помимо записок я пару раз находил у себя в почтовом ящике сюрпризы.

Один раз коробку, которая с хлопком взорвалась у меня в руках, стоило ее лишь открыть, ударяя фонтаном зеленых

блесток прямо мне в рожу, и записку: *«Эти милые блестки такие же зеленые, как мой цвет лица после очередного недосыпа из-за твоего утреннего ремонтного террора»*.

Второй раз это была обернутая в подарочную фольгу упаковка лошадиного успокоительного, с такой дозировкой, что можно было на сутки свалить целую конюшню какого-нибудь помешанного на лошадях аристократа.

Шутку я оценил. Посыл тоже. Угарнул и в качестве «алаверды» приклеил под дверной звонок чудачки упаковку с берушами и пачку ромашкового чая. В тот же вечер получив особо гневную записку «под звонок», сделав вывод, что чай у этого производителя херовый и ни капли не успокаивает.

Так и живем.

Я комкаю бумажку, запихивая в задний карман джинсов, и достаю ключи, отпирая дверь.

При мыслях о девчонке, живущей в квартире по соседству, внутри что-то откликается. Не раздражение. Далеко не оно. А что-то теплое, насмешливое, бодрящее, непосредственное. Перед глазами встает ее миловидное личико, острый взгляд и вздернутый носик. Хорошенькая. Глупо отрицать. Но что у нее в голове – загадка. Судя по тому количеству любовных романов, что я успел заметить на ее полочках, когда бессовестно вломился в ее квартиру, чтобы принять душ, – она та самая мечтательница, что до пенсии будет ждать своего принца на белом коне. Я даже не уверен, что

она в своей жизни с настоящими мужиками-то контактировала. Такими, что не срут цветочками и не толкают высокопарные речи, витиевато клянясь в любви до гроба. Тьфу.

Какое счастье, что это не твое дело, да, Трошин?

Оказавшись в своей квартире, раздеваюсь до боксеров и заваливаюсь в спальне на кровать. Хватаю пульт от телевизора. Полчаса бесцельно щелкаю каналы, пытаясь найти хоть что-то интересное. В итоге врубаю отстойный ужастик и на первых десяти минутах фильма крепко отрубаюсь до самого утра.

А уже оно у меня начинается в восемь часов, с приходом строительной бригады, у которой по плану сегодня установка кухонной мебели и техники. В восемь двадцать пять весь этаж снова тонет в дребезжании перфоратора.

– …посудомоечную машину привезут в конце следующей недели, вместе с духовым шкафом. Тогда и установим, – отчитывается мне один из работяг, «сдавая» работу. – А так все, что было, повесили, подкрутили, подключили. Все работает как швейцарские часы – четко.

– Спасибо, мужики, – пожимаю руки парням, что четыре часа пластались на кухне, собирая замудренную систему дорогого гарнитура. – Все отлично. На сегодня вы свободны.

– В среду так же к восьми?

– Думаю, да. Раньше начнем – раньше закончим.

– Добро!

Парни собирают свои чемоданы с инструментами и отчаливают.

Я, оставшись в квартире в одиночестве, пробегаю глазами по новенькой кухне. Темная каменная столешница, серые шкафы, черные ручки на дверцах и стальная, блестящая от своей новизны техника – стильно и звездец как дорого. Но обустройством этой части моей квартиры проявила желание заняться матушка. У нее был полный карт-бланш. Поэтому, когда я мельком увидел такую итоговую сумму за все это «великолепие», какой я суммарно не получаю и за год на своей службе, – ни капли не удивился. Мамуля всегда любила транжирить бабки попусту. А отец всегда ей это позволял, обожая жену до чертового безумия.

От мыслей об отце сердце щемит.

Снова.

Наверное, это не пройдет никогда…

Передергивая плечами, словно сбрасывая воспоминания, я хватаюсь за телефон. Планирую забить стрелку парням в каком-нибудь баре, но меня отвлекает настойчивое дребезжание дверного звонка.

Рабочая бригада что-то забыла?

Я распахиваю дверь и понимаю – промахнулся. На пороге не мои работники, а молодой парень с коробкой под мышкой в одной руке и планшетом в другой. На груди бейджик с именем «Вадим». И этот Вадим вскидывает на меня взгляд, натягивает на лицо дежурную улыбку и здоровается, уточняя

номер моей квартиры.

– Добрый. Все верно, – киваю я. – А вы по какому поводу?

– Доставка. Распишитесь вот здесь, – сует мне под нос свой планшет парнишка.

– Доставка чего? – кошусь на коробку в его руке, не спеша хвататься за предложенную шариковую ручку. Для стройматериалов мало. Для техники или мебели тем более. Еду я не заказывал. Продукты с супермаркета тоже. Да и с каких пор их возят в коробках?

– Понятия не имею, чувак. Поступил заказ. Мне его передали. Я его доставил. Так забираешь или как? – надувает огромный шар из жевательной резинки это дитя нулевых, лопая его едва ли не мне прямо в рожу.

От недовольства у меня сводит челюсть.

– Про клиентоориентированность в вашей конторе, похоже, не слышали? – бросаю я, размашисто чиркая свою закорючку на бумаге.

– А че это?

– Забей. Тебе не грозит. Забирай, – сую ручку и планшет курьеру в руки.

Он впихивает мне коробку и, бодро заявляя:

– Обращайтесь к нам еще! – ретируется, напоследок еще разок «хлопнув» пузырем из жвачки.

Я возвращаюсь в квартиру, покручивая в руке странную посылку. Никаких опознавательных знаков на ней нет. По весу не тяжелая. Трясу и прислушиваюсь. Внутри что-то

шуршит – значит, не пустая.

Может, пацаны прикололись? Не удивлюсь, если эти идиоты прислали что-то типа кухонной группы из стола и стульев для кукольного домика. Они меня на прошлой смене полночи стебали по поводу того, что я никак не мог определиться с цветом обивки стульев. И это всего из трех присланных матерью вариантов. А знаете, почему не мог? Потому что оттенки: «серый мох», «каменно-серый» и «кварцевый серый» – это все, мать твою, просто серый! Зачем некоторые люди так усложняют себе жизнь?

Я хватаю кухонный нож и разрезаю скотч. Срываю его и открываю коробку.

Гребаная матрешка!

Внутри еще одна коробка. На этот раз белая – из плотного картона, с рисунками черных усов на крышке, обвязанная черным бантом. Больше похожая на подарочную.

Я сдергиваю бант и поднимаю крышку.

– Что за черт?

На пару долгих мгновений зависаю, разглядывая содержимое: книгу «Как потерять друзей и заставить всех тебя ненавидеть» и кружку с надписью «слезы “любимых” соседей… еще тепленькие».

Медленно-медленно до меня начинает доходить, чьих это пакостных рук дело. А когда на дне коробки – под всей кучей этого непонятного дерьма – я нахожу крохотную черную коробку с надписью «только для тебя» и при открытии из нее

выскакивает и задорно помахивает мне ладонь с торчащим средним пальцем на пружинке, все в моей голове складывается окончательно. Я начинаю в голос ржать.

– Вот же… мелкая, мстительная засранка!

Глава 6

– Я сегодня целых сорок минут пыталась выйти из квартиры, потому что этот сумасшедший выгрузил свои мешки с цементом прямо у моей двери, – рычу я, со злости швыряя сумку на стол, за которым уже устроились мои девчонки. – Сорок! – взмахиваю руками, пытаясь выровнять сбившееся дыхание. – А потом этот проклятый автобус? Он опоздал, и мне пришлось бежать с остановки. Реально нестись сломя голову! А еще я снова не выспалась, потому что этот деятельный дятел опять начал долбить в восемь, блин, утра! Я больше так не могу-у-у, – взвыв под конец, оседаю задницей на стул.

Запрокидываю голову и жалобно хнычу в потолок. Благо студенты в аудитории возбужденно гудят в ожидании начала пары и результатов прошедшей сдачи проектов и им не до моих стенаний.

На плечи наваливается тяжесть целого мира. Серьезно! Состояние организма такое, словно последний раз я спала, м-м, примерно в прошлом веке. Я вымотана. И морально, и физически. Мало того что в начале семестра преподы словно с цепи сорвались и заваливают нас таким объемом работы, что даже самые стойкие процессоры в ноутбуках начинают дымиться от заоблачной производительности. Так еще и этот гад-сосед стойко держит удар.

Нет, хуже!

Он не просто держит удар. Он выиграл в этой войне. Пора это признать. Потому что именно у меня сдают нервы и дергается глаз, тогда как встретившийся мне вчера в подъезде мерзавец был бодр и весел, словно только что сорвал куш. Ненавижу.

Этого твердолобого мужлана не проняли: ни мои записки, ни «подарки» в почтовом ящике, ни дурацкий подарочный бокс, на который я спустила свои последние деньги. Ни-чего! Он абсолютно непрошибаем. И совершенно не понимает намеков.

Ну точно дятел…

– Шоколадку? – спрашивает Аврора сочувствующе. – Заесть стресс.

– Чтобы заесть мой стресс, одной шоколадки мало, надо целый кондитерский завод!

Подруга прыскает со смеху.

Я натягиваю на лицо вялую улыбку. Выкладываю на стол тетрадку с ручкой и вешаю сумку на спинку стула как раз в тот момент, как в аудитории появляется преподаватель и своим громогласным «тихо» затыкает четыре десятка взволнованных студентов. Сегодня нас тут целых три группы. Не продохнуть.

Степан Леонидович с ходу объявляет, что каким-то чудом все сорок человек умудрились защитить первый в этом году проект, да еще и показать не самые плохие результаты. Но

объявить те самые результаты сразу категорически отказывается и приступает к лекции, чем умудряется меня по новой взбесить.

Серьезно, жизнь? Давай, добивай меня.

Вздохнув, я откидываюсь на спинку стула и щелкаю ручкой. Впереди полтора часа нервного ожидания итоговой оценки. Если вдруг она ниже «хорошо», я рискую слететь с бюджета. Тогда моя жизнь зайдет на новый виток звездица, потому что возвращение под крыло к отцу – последнее, что сейчас нужно моей нервной системе. Особенно возвращение на последнем курсе.

– Он мое проклятье, – шепотом сообщаю я Рор, немного погодя. – Это точно мне наказание свыше, за «козла». Права Ира.

– Ты уверена, что разумно винить в опоздавшем автобусе своего красавчика соседа? – шепчет Аврора.

– Уверена. С момента его появления в моей жизни – все пошло кувырком. А еще этот бесконечный ремонт за стенкой… Я две с половиной недели живу в непрекращающемся стрессе! – жалуюсь. – И он не красавчик, – добавляю недовольно.

– Совсем-совсем? – стреляет в меня хитрым взглядом однокурсница Лика, с которой у нас сложились неплохие, приятельские отношения.

– Абсолютно. Страшный, как моя жизнь!

Врешь. А кто на его кубики на прессе заглядывался? А

кудряшки эти, в которых неудержимо хочется утонуть пальцами? И взгляд – издевательский, зеленый? Нет, Морозова, такие мужчины по определению не могут быть страшными.

– М-м, и что даже харизмой не берет? – спрашивает Рори.

– Он берет только нахрапом. Невыносимый, заносчивый, самовлюбленный дикарь.

Врешь, врешь и еще раз врешь.

– Звучит очень даже горячо, – хихикает Лика. – Познакомишь?

Я кривлюсь. Хвала богам, от ответа меня спасает преподаватель, заметивший наши перешептывания. Степан Леонидович шикает в нашу сторону, и нам с девчонками приходится вернуться к конспектированию лекции.

Однако немного погодя Аврора тихо замечает:

– Кстати, мы с Ирой все еще считаем, что тебе не помешало бы вытащить себя на свидание.

– Ноу.

– Прошло полтора месяца с момента расставания с Сережей – самое время проветриться!

– Я уже говорила, что не хочу, – поджимаю губы. – К тому же мне сейчас не до того.

– Зря. Ты такая напряженная, что тебе не помешал бы легкий флирт. М-м, и жаркий секс. Последнее можно без обязательств.

– Каким образом мы со свидания перешли на перепих побыстрому? – выпучиваю я глаза.

Лика хмыкает тихонько, напоминая:

– Рор, ты забыла? Анита принца ждет.

– Вот! – вскидываю я ручку. – А принцы «сексом без обязательств» не занимаются.

– Ну да, ну да. Конечно, они же до тридцати лет хранят девственность. Их «роза» достанется только *той самой*. Ой-ой, ловите меня, кажется, я сейчас упаду в обморок от умиления, – картинно закатывает глаза и обмахивается тетрадкой будущая Савицкая, явно нахватавшись цинизма и сарказма от нашей любимой Агаповой.

– Говоришь словами Иры!

– Да, – улыбается Рор. – Учусь у лучших. Кстати, сегодня после пар хочу заскочить к ним с Никитой в гости. Потискать Тимошку. Пойдешь?

– Не смогу, мне надо…

– Девушки, я вам не мешаю? – вырастает в проходе тучная фигура преподавателя, грозно сложившего руки за спину. – Если у вас есть что сказать, можете выйти к доске.

Мы с девчонками бурчим вразнобой «простите, извините».

– Попрошу сосредоточиться на лекции. Рискну предположить, что сегодняшняя тема пригодится вам при работе над итоговой курсовой работой. Уж я постараюсь. Кстати, Анита Максимовна, вас я попрошу после ленты задержаться.

Ой-ей…

Степан Леонидович идет дальше по проходу между ряда-

ми, а я испуганно вжимаю голову в плечи. Его тон и взгляд не сулят мне ничего хорошего.

И, па-ра-па-пам! Я оказываюсь права.

Полтора часа спустя, после окончания пары, я, понурив плечи, стою перед преподавательской кафедрой и грустно вздыхаю. Мой результат за проект – разгромное «удовлетворительно». А это значит, что я на грани потери своего теплого бюджетного места в этом университете.

– Первый пункт был хорошо проработан. Пятый – выше всяких похвал. Но вот остальное хромает. Я в крайней степени удивлен и столь же сильно разочарован подобным вашим результатом, студентка, – добивает меня Степан Леонидович, кидая на стол белые листы формата А4 с моей работой.

Только я не вижу всех исправлений преподавателя. Перед моими глазами уже стоит картинка: чемодан, поезд и «привет, Иркутск». Меня начинает накрывать паника. Я сиплю:

– Мне нельзя иметь в зачетке «удовлетворительно», – поднимаю полные непролитых слез глаза на седеющего мужчину преклонных лет. – Я могу как-то исправить работу? Досдать, пересдать… Мне нужна хотя бы четверка, Степан Леонидович, – складываю ладони в умоляющем жесте, – пожалуйста!

– Да, я в курсе, – кивает преподаватель. – Ввиду того, что вы у нас «новенькая» и крепкая хорошистка, я пойду вам навстречу и позволю повысить оценку за счет дополнительной курсовой работы. Но она нужна мне к завтрашнему дню.

Завтра я буду заполнять ведомость.

Курсовую?

За день?

Атас.

И какие свидания с такой сумасшедшей жизнью?

– Хорошо. Я подготовлю. Какую тему я могу взять?

– Скажем-м-м, – задумчиво вскидывает взгляд в потолок Степан Леонидович, – что насчет «Роли стрит-арта в современном искусстве»? Эта тема близка к вашей проектной работе.

– Близка. Да.

– Значит, решено. Жду вас завтра, на большой перемене, с готовой работой. Удачи.

Распрощавшись с преподавателем, я выхожу из аудитории, тут же оказавшись под перекрестным огнем из любопытства подруг. По дороге в буфет рассказываю, как фигово у меня обстоят дела, заслужив целую кучу сочувствующих взглядов. Обедаю булочкой с кофе без настроения, с грустью понимая, что поход в кино, который мы сегодня запланировали, откладывается на неопределенный срок. Ближайшие сутки я буду с головой погружена в исправление собственных косяков…

Думала я.

Но-о, как бы ни так.

Ад за стенкой никто не отменял. И уже спустя два часа после возвращения домой и попыток сосредоточиться и струк-

турировать найденную в интернете информацию у меня начинает ломить виски. Далеко не от прочитанного. Увы. А от хаоса звуков, которые сегодня давят на ушные перепонки с удвоенной силой.

Долбежка перфоратора, жужжание дрели, тяжелые мужские шаги нескольких пар ног, басовитые голоса и командный тон соседа – все сливается в безумную какофонию звуков, слишком отчетливо слышимую через смежную стену, у которой и стоит мой рабочий стол.

Боже, даже по теории вероятности у этого чокнутого в квартире уже не должно было остаться ни одной целой стены! Он что, хочет обрушить дом?!

Я подтягиваю ноги к груди и отодвигаю от себя ежедневник, в котором делаю пометки по курсовой. Растираю пальцами виски. Нужно сделать перерыв, пока моя голова не треснула, как переспелый астраханский арбуз.

Поднимаюсь, топаю на кухню и завариваю себе крепкий зеленый чай с лимоном. Достаю из холодильника последнюю баночку с любимым персиковым йогуртом и в блаженной тишине – видимо, у соседа тоже случилась передышка – выпиваю горячий напиток и уничтожаю легкий перекус. Соскребаю ложкой остатки с пластиковых стенок, меланхолично поглядывая в окно. Осенний Питер прекрасен. Даже несмотря на дождь в девяноста процентах случаев.

Десять минут спустя я возвращаюсь к ноутбуку. Разминаю пальцы.

– Ладно, Морозова, соберись! – науськиваю себя и снова бросаюсь в бой.

Ровно тогда, когда я проваливаюсь в очередную найденную в интернете статью про стрит-арт, в соседней квартире снова начинаются ремонтные работы.

Он точно делает это специально!

Так проходит следующий час моих мучений. А едва я еле-еле заканчиваю с «введением», набросав около пятисот слов, и приступаю к самой сложной «основной части», мой телефон дребезжит от входящего вызова. Я хватаю его и отвечаю не глядя на экран, довольно грубо бросая:

– Да? Слушаю?

– Судя по твоему тону, работа над курсовой продвигается со скрипом, – узнаю сочувствующий голос Авроры.

– Она продвигалась бы бодрее, если бы мне дали сосредоточиться.

– Ой. Прости, что отвлекла. Я только хотела сказать…

– То есть нет! – поспешно перебиваю я подругу. – Нет. Это не шпилька в твой адрес, Рор. Ни в коем случае. Просто я опять на нервах! Этот дятел, живущий по соседству, сегодня снова перебирает свою квартиру по кирпичикам. По крайней мере, это единственное разумное объяснение постоянному шуму. Я уже закипаю!

– Что, правда? Вот же засранец! – выдыхает гневно подруга в трубку.

– Засранец? – слышу на заднем фоне голос парня подру-

ги. – Это ты про кого, котенок? Мне стоит кому-то набить морду?

«Эх, как приятно, когда ради тебя готовы не задумываясь набить кому-то морду», – думаю я, а в трубку бросаю:

– Ты с Глебом? Передавай ему «привет»!

– А, да. Тебе «привет» от Аниты, малыш. И засранец – это ее новый сосед, который уже три недели делает ремонт. С раннего утра и до позднего вечера, к слову, – объясняет своему парню Аврора. – Слушай, а ты не пробовала с ним еще разок поговорить? Может, пригрозить? – спрашивает уже у меня.

– Пригрозить чем? Расцарапанным лицом? Моей истерикой? Или нервным срывом? Вряд ли его что-то из этого напугает.

– Полицией.

– Будний день. К сожалению, он не нарушает никаких законов тишины. Я смотрела в интернете. И, судя по затишью в домовом чате, этот индюк раздражает только меня. Увы. На этом поле битвы я одна и совершенно безоружна.

– Я могу с ним перетереть, если хочешь, – бросает Глеб достаточно громко, чтобы я его услышала. – Раз уж к словам девушки этот уникум не прислушивается, даванем мужским авторитетом.

– Что, правда?! – воодушевляюсь я, едва не подпрыгивая от счастья на стуле.

– Да. Без проблем. Только закину Аврору к Сотниковым

и подскачу. Скинь мне СМС-кой адрес.

– Спасибо, спасибо, спасибо! Я буду безумно тебе благодарна! Аврора, официально – у тебя самый крутой парень!

– Я зна-а-аю! – тянет гордо подруга. – Только сильно авторитетом не дави, любимый, тебе по службе нельзя встревать в неприятности.

– Не переживай, котенок, все в рамках закона. Через час буду, Анита.

– Жду! Сотниковым привет!

Перекинувшись еще парой слов с подругой, я отключаюсь. Отправляю Глебу сообщение со своим адресом и откладываю телефон, ерзая на стуле от нетерпения.

Все внутри меня ликует. Наконец-то на невыносимого соседа найдется управа! Он послушает Глеба. Я уверена. Не сможет не послушать высокого и мощного спецназовца. Да Савицкий одним своим хмурым видом, если нужно, может такой жути нагнать, что просто у-у-у! Бедолага сосед, мне уже тебя жалко.

Нет, неандерталец за стенкой, конечно, тоже внушительный. Спортивный, высокий, накачанный. Но явно не привыкший прислушиваться к женскому мнению. И уж тем более идти на уступки ради женщины. Кажется, он вообще игнорирует женский пол. По крайней мере в моем лице точно.

Ну что ж, если он думал, что за меня некому заступиться – шах и мат, придурок!

Проходит ровно час, прежде чем у меня звонит домофон.

Я открываю Глебу подъездную дверь и сразу выскакиваю из квартиры, открывая и дверь в общий с соседом тамбур.

Нервно переступая босыми ногами, сияю улыбкой, когда лифт останавливается на нашем этаже и оттуда выходит Савицкий.

– Привет!

– Привет. Ты чего без тапок выскочила на голый бетон? Ноги застудишь, – стреляет глазами на мои ступни Глеб, в очередной раз убивая меня своей заботливостью по отношению к чужому человеку. Даже завидно представить, какой он тогда с Рор. Не мужчина – мечта. И после этого девчонки будут высмеивать мое желание встретить «принца»? Чуточку двулично, если учесть, что и Ира, и Аврора отхватили себе настоящих… нет, не принцев, королей!

К слову, может, у их парней в отряде найдется еще один такой же неотразимый, непристроенный «король» с рыцарскими замашками?

– Анита, прием, – щелкает пальцами у меня перед лицом Глеб. – Где, говорю, дупло твоего дятла? Это? – кивает мне за спину он.

– Ага. Слышишь? – за дверью слышится очередной раунд долбежки. – Я уверена, что этого парня сам Сатана изгнал из ада, потому что и там он слишком долго делал ремонт.

Глеб смеется.

– Щас решим, – обещает, проходит в «наш» тамбур и без прелюдий громко стучит в соседскую дверь. А потом еще.

И еще. И еще разок. Ну прям так, чтобы дятел уже в этот момент испугался. Хе-х!

Я, победно сложив руки на груди, встаю за парнем подруги. Когда в квартире соседа слышится топот и щелчок дверного замка, выглядываю из-за широкой спины Савицкого и победно задираю нос.

Дверь распахивается. Мы с моим защитником синхронно отступаем на шаг назад. На пороге вырисовывается – снова голая выше пояса – фигура моего мучителя. Я надменно улыбаюсь, приготовившись, что сейчас его перышки пообщипают. Естественно, словесно. Драки нам не надо! Но… тут случается непредвиденное. Глеб начинает свою «мужскую речь» не с брутальных запугиваний, а с удивленного:

– Трошин? Это ты, что ли, дятел с дрелью?

– Савицкий? Ты как тут? – не менее шокированно выдает мой сосед.

– В смысле?! – офигев, вскрикиваю я, выступая вперед. – Умоляю, только не говорите, что вы знакомы!

Мужчины синхронно переводят на меня взгляд. Повисает напряженная секунда тишины. После которой Глеб разражается громогласным хохотом.

Ну, трындец, неужели и этот Титаник пошел ко дну?

Глава 7. Раш

Грохот от выстрелов стоит на весь тир. Даже наушники с шумоподавлением не «сглаживают». Каждый выстрел – удар по нервам. Каждый раз, когда пуля на скорости врезается в точку на мишени, внутри меня что-то сжимается. От кайфа. От эйфории. И от ужаса. Само по себе осознание, что кто-то в этом мире обладает такой силой – одним нажатием пальца забрать чью-то жизнь, – пьянит и пугает одновременно.

Один магазин разряжен.

Я стягиваю наушники и перезаряжаю пистолет. Краем уха улавливаю голос Глеба, который увлеченно рассказывает про недавний конфуз с моей соседкой, которая оказалась одногруппницей Иры и Авроры.

Да, оборжаться.

Парни гогочут. Стебутся. Я мысленно качаю головой, решая, что мои коллеги – конченые идиоты. Их хлебом не корми – дай над кем-то поржать.

Натягиваю наушники обратно. Встав в стойку, прицеливаюсь. И жму на курок. С первым выстрелом отдача бьет в ладонь, запуская вибрацию по руке. Но с последующими я ее уже не замечаю.

Бах.

Бах.

Бах.

Превращаю силуэт человека на мелованной бумаге в решето, выпуская патрон за патроном. Резко, быстро, на одном вдохе. Адреналин шкалит. Пульс лупит. Каждая мышца звенит от напряжения.

Щелчок – выстрел.

Щелчок – выстрел.

Щелчок – выстрел.

В ногу, в плечо и финальный в сердце.

Обойма разряжена. Ставлю пистолет на предохранитель. Откладываю на стойку и стягиваю «уши». Автоматическая мишень подъезжает ближе.

Десять из десяти. У противника ни единого шанса на выживание. Я хорош. Собственно, как и всегда.

– …знаете, что самое кринжовое в этой истории, мужики? – слышу за спиной бас Савицкого, зашедшего на эффектную паузу. – Ее зовут Анита. Опять Анита, прикиньте?

Мысленно выругиваюсь. Внутренне напрягаюсь. От упоминания девушки, на которую потратил несколько лет своей жизни и тонну нервных клеток, почивших бесславно и навечно, – все еще морально разматывает. Физически же – натягиваю на лицо свою фирменную, ленивую ухмылку. Вхожу в свой любимый образ «веселого раздолбая» и оборачиваюсь к парням. Ровно в этот момент Сокол и Сота напряженно переглядываются и смотрят на меня.

– Шутит? – спрашивает Соколов.

– Увы.

– Погоди, та самая Анита, что этой весной к ним в группу перевелась? – уточняет Сотников.

– Ага. Та самая, – кивает Глеб. – Это же надо было в огромном городе снова встрять на Аниту. Походу на тебе реально проклятие.

– Походу. Не дадите номерок какой-нибудь волшебной бабки, чтобы карму почистила? – перевожу все в шутку.

Ванька и Никита посмеиваются, расслабляясь. Каждый в своей голове наверняка прокрутил мой горький бэкграунд и вспомнил, как сильно потрепала мои нервы балерина. Но каждый предпочитает тактично промолчать. Некоторые отношения – чистая болезнь. Нудная, тягомотная, выматывающая. Требующая долгого и упорного лечения болезнь. И даже если тебе удалось вылечиться – поддерживающую терапию никто не отменял.

А чокнутая – хреновая «терапия». Она совершенно неадекватная и неуравновешенная. Маленькая, дерзкая, раздражающая, импульсивная пигалица. Она сначала делает и лишь потом думает. И у нее совершенно отсутствует инстинкт самосохранения. Что я парням и сообщаю, бросая:

– И вообще, видели бы вы эту Аниту. Ничего общего с моей бывшей. Та была холодная, расчетливая стерва. Эта же, – качаю головой, когда мы с парнями заваливаемся в раздевалку, – обезьяна с гранатой – в двух словах. Никогда не угадаешь: где, как и когда жахнет.

– Ты к ней несправедлив, – качает головой Глеб, бросая на

меня упрекающий взгляд. – Она классная девчонка. Шебутная немного, да, но живая. Настоящая. Трушная, как сказала моя Рор. По-моему, такая тебе и нужна.

– Это ты сейчас на что намекаешь?

– Не намекает, говорит прямо, – пихает меня локтем в бок Сотников. – И мы с Ванькой его поддерживаем.

– Точно, – поддакивает Соколов, снимая футболку. – Кому-то пора отряхнуть от нафталина свои крылышки и включить режим самца-завоевателя.

– Я один раз его уже включил с этой чокнутой, и знаете, чем все закончилось? Меня едва не выставили из душа с голым задом в клубничном геле. Спасибо, достаточно.

Разговоры парней в раздевалке резко затихают. Подвисает звенящая тишина, которую нарушают лишь отголоски льющейся в душевой воды. Я физически чувствую на себе с десяток пар глаз. И, на фоне того, что я только что стянул с себя боксеры, надо ли говорить, что ощущения крайне… неловкие?

– Вы че уставились, парни?

– Про клубничку и голый зад подробности будут? – бросает кто-то из парней в соседнем ряду шкафчиков.

Мужики ржут.

– Клянусь, Трошин, твоя жизнь покруче любого сериала, – качает головой Ник, стягивая потную тренировочную форму.

– Кстати, о сериалах, – хватаю я полотенце. – Эта ненор-

мальная смотрит их пачками. У нее даже подушка огромная есть, с одним из турецких чуваков. И она обожает все гипердраматизировать. А в сумме это дерьмо автоматически делает из девушки ред флаг.

– Моя Ириска тоже сейчас запоем смотрит эти сопли. Но это не делает ее плохим человеком.

– Ну естественно, мужик, потому что она недавно родила тебе ребенка. У нее гормоны. Ей такая херня простительна.

– Нет, просто наши девчонки – дети другого поколения, – вступает Савицкий. – Там свои фишки. А любовь к турецким Болатам и Керемам – в заводской прошивке. Тут только смириться и принять как данность, дружище. Эти напомаженные, черноволосые восточные парни для них всегда будут на первом, мать его, месте.

– Исключено. У моей женщины на первом месте буду я. И то, что вы себе в жены нашли зумерш, не значит, что я тоже поведусь на красивое, молодое тело и ангельские глазки. Я, может, вообще женщин опытных люблю.

– Эй, парни! – свистит Глеб, привлекая к себе внимание. – Никто не в курсе, по каким дням в доме престарелых «день открытых дверей»? Жену Рашу искать будем. Опытную.

– Марк, у меня теща с тестем недавно развелась. Дать номерок?

– Мужик, а ты будешь называть его «папочкой»?

В раздевалке виснет дружный гогот. Мужики начинают наваливать шуток, разгоняя тему. Я оскаливаюсь и вскиды-

ваю два средних пальца. Отступаю спиной вперед в душевые, бросая:

– Очень смешно, придурки!

Утром следующего дня на работе приходится задержаться аж до обеда. Учения и прочая внеплановая хрень обязывают. Поэтому в начале первого, припарковав тачку на парковке за домом, до подъезда едва волочу ноги от усталости. А вокруг – сыро, серо и уныло. Тучи нависают над головой такие, словно вот-вот пойдет первый в этом году снег.

Дерьмо, а я еще машину не «переобул»...

Закинув спортивную сумку на плечо, прикладываю чип к домофону. Открываю подъездную дверь. Оттуда мне навстречу выходит молодая супружеская пара с коляской.

Я вежливо киваю соседям в знак приветствия. Они в ответ как-то странно косятся на меня и посмеиваются. Девушка и подавно краснеет.

Нет, я, конечно, привык к тому, что в моем обществе женский пол смущается – я все-таки великолепен, – но тут чувствуется какая-то подстава.

В подъезде, едва успев проскочить пару ступенек вверх, встречаюсь нос к носу с сухонькой бабулькой, в забавном драповом пальто в зеленый горошек, наверняка сохранившемся еще с советских времен. Удивительно, как за столько лет его не сожрала моль?

– Доброе утро, – здороваюсь с еще одной жительницей нашего пчеловейника.

Бабулька качает головой, недобро на меня зыркнув. И уходит, бубня себе под нос:

– Понапокупают, а потом все что-то перестраивают и перестраивают… тьфу… молодежь.

Я в недоумении провожаю ее взглядом.

Что за херня здесь происходит? Сегодня утром весь дом встал не с той ноги?

Подхожу к лифту и жму на кнопку вызова. Вздыхаю. Ладно, невоспитанность людей – исключительно бремя их совести.

В ожидании кабины кручу головой по сторонам. Буквально в прошлом году управляющая компания сделала в подъезде ремонт. Так сказал мне риэлтор. Стены обшили белой плиткой под мрамор. Заменили почтовые ящики. В углу, у окошка консьержки, поставили огромный горшок с цветком, который, полагаю, должен в перспективе вырасти до размеров маленького дерева. И заменили доску с объявлениями, где обычно кроме пары-тройки листовок больше ничего не висит. Поэтому я в очередной раз едва мажу по ней взглядом.

Отворачиваюсь.

Зависаю.

Перевариваю увиденное.

Показалось?

Снова бросаю взгляд на доску.

Не показалось.

Твою же мать!

Двери лифта за моей спиной, с тихим скрежетом, разъезжаются. Но мне уже не до того. Я подхожу к безобразию в желтой – вырви глаз – рамке, над которой огромными буквами, от руки написано: «Доска почета» – с одной стороны, и «Доска позора» – с другой. И если там, где «почет», красуется фотка того самого подъездного цветка в горшке, с надписью: *«Поздравляем, детка, ты стал на месяц старше»*, то в части «позора» висит моя фотка, с пририсованными маркером рогами.

Моя.

Мать его.

Фотка!

А под ней красивым, ровным почерком выведено: *«Сосед из пятьдесят пятой квартиры, работающий дрелью 24/7, поздравляем! Звание самого раздражающего персонажа месяца официально твое!»*

Хулиганкины художества. Она вытворила. К гадалке не ходи.

Вот же пакостная коза!

Ну это уже ни в какие ворота! Светить моей рожей на весь многоэтажный дом – это надо было до такого додуматься? Ох, поймаю и уши на задницу натяну!

Психанув, сдергиваю свою фотку с пробковой доски и, скомкав, швыряю в мусорное ведро для листовок. Захожу в лифт, кипя от злости. Барабаню пальцами по лямке сумки. У меня подгорает. Шутка затянулась. Сколько эта фотка там

провисела? Сутки? Именно столько меня не было дома. Теперь понятно, какого хрена соседи так на меня таращились. Как на врага народа. Зараза какая!

Нет, все. Решительно – это была последняя капля моего терпения. Хиханьки прошли. Зверя разбудили, и он готов убивать. С этого дня игры в одни ворота закончились. Лови ответный удар.

Я захожу в свою квартиру и бросаю сумку на пороге. Не проходя, сразу набираю номер Савицкого. Надеюсь, Глеб еще не спит.

Пока дожидаюсь ответа, мысленно проигрываю в голове план мести. Друг отвечает долгих полминуты спустя:

– Мы расстались полчаса назад, а ты уже соскучился, Трошин? Польщен.

– Просьба. К тебе. У меня.

– Таскать мебель сегодня не приду. И не проси. Я после смены не в той кондиции, – тут же отбривает меня Глеб.

– Я по другому поводу. Не бзди.

– Да? Ну, ладно. Выкладывай.

– Номер этой Аниты – подруги ваших девчонок – достать для меня сможешь? – стараюсь, чтобы мой голос звучал максимально непринужденно.

И тем не менее на том конце провода все равно виснет задумчивая тишина. Которую Савицкий же и нарушает, бросая подозрительное:

– Ты что задумал, Раш?

– Ничего криминального. Всего лишь первый маленький жест к примирению, – говорю на честном глазу, уже предвкушая, как сильно этот «маленький жест» не понравится маленькому монстру, живущему по соседству.

Глава 8

– Вам два соленых попкорна, два сырных, три маленьких стаканчика кока-колы и одна бутылка воды без газа, – перечисляет кассир в баре кинотеатра. – Расчет будет по карте или наличными?

– Карта, – бросает Ириска, первой прикладывая к терминалу свою. – Сегодня я угощаю. И даже не спорьте! У меня праздник.

– Какой это?

– Ник остался с Тимом на целых два часа. Впервые. Молодая мать уходит в отрыв! – показывает Ира «козу» пальцами.

Мы с Авророй смеемся.

Я забираю свою баночку попкорна и стаканчик с газировкой. Ира берет свое, а Аврора умудряется своими изящными руками заграбастать целых два стакана колы и два средних ведерка попкорна. Мы медленно начинаем продвигаться в сторону нужного нам кинозала.

– Кому четвертый комплект вкусняшек? – интересуюсь я.

– Соньке, – отвечает Сотникова. – Она должна подъехать с минуты на минуту.

– Наконец-то мы вас познакомим, – закидывает в рот попкорн Рори. – Она классная.

– Тоже подружка одного из отряда ваших парней?

– Ага.

– И почему я не удивлена…

– К слову, о подружках… – хитро начинает Ира. Они с Авророй обмениваются странными взглядами, словно ведя немой диалог, а потом берут и ляпают в голос:

– Вот теперь эта история окончательно зациклилась.

– Вселенная схлопнулась, да-да!

– О чем вы? – хмурюсь я.

– Трошин, – кидает Аврора.

– О, боги, только не начинайте снова! – закатываю глаза.

После того, как я сообщила подругам, что, оказывается, мой сосланный из ада сосед на самом деле боец элитного отряда и «кореш» парней девчонок – они очень долго ржали. И стебались. И снова ржали. Рассказали мне кучу забавных историй с участием Марка, которого все друзья зовут Рашем, и битый час ездили мне по ушам, убеждая, что на самом деле он классный парень.

Не-а, не верю. По сравнению с этим Рашем – Сатана – пушистый котик. И я на девяносто процентов уверена в том, что этот придурок точно ниспослан мне кармой для отработки грехов. Остается только понять, где и когда я успела *так* сильно нагрешить. Да я даже физкультуру в школе никогда не прогуливала!

– Но ты не можешь отрицать очевидного, – возбужденно бросает Ира. – Раш – твоя судьба!

– Он – моя смерть с косой, а не судьба! Ой, секунду, – бросаю, когда телефон в моей сумочке начинает дребезжать.

Извернувшись, одной рукой достаю его. Номер незнакомый. А на такие я не отвечаю. Сбрасываю вызов и выключаю звук.

– Ты не понимаешь, – качает головой Аврора. – Вот сама подумай: ты – наша подруга. Раш – симпатичный, мускулистый, а главное, нынче холостой друг наших будущих мужей. Ну! Смекаешь?

– Смекаю. Смекаю, что вы совсем чокнулись, если думаете *о нас,* – выделяю последнее слово интонацией, полной ужаса, – с соседом в таком ключе!

– С Рашем, – поправляет меня Ира. – Зови его Рашем. И ты не можешь отрицать того, что такие совпадения и не совпадения вовсе. Ты, кто читает романы пачками и запоем смотрит турецкие сериалы, – ты-не-можешь-этого-отрицать! Любовный круг нашего квартета замкнулся. Бинго!

– Ха-ха-ха. У ваших парней случайно нет другого холостого друга? Дайте мне другого кандидата для замыкания круга. Менее, м-м, заносчивого, самовлюбленного, раздражающего и…

– Сексуального, – вкидывает Рор. – Тебя ведь это в нем пугает, да? То, что он чертовски хорош собой, – поигрывает бровями. – И знает это. И лихо этим пользуется, снимая с женщин трусики одним лишь взглядом.

– Фу! – морщусь я. – Даже думать не хочу о трусиках его пассий!

– Это кто это проворачивает такие чудеса с женскими трусиками? – посмеивается незнакомый женский голос.

Между Авророй и Ирой появляется миниатюрная девушка в легкой куртке, джинсовом комбинезоне, красных кедах и с обалденной копной шоколадных кудряшек. Она не просто симпатичная – она безумно очаровательная, и уже одна только улыбка незнакомки моментально располагает к себе.

– Привет, бандитки!

– Сонька, привет!

– Даже не верится, что у нас получилось вытащить тебя из твоего приюта!

Девчонки тепло обнимаются, приветствуя друг друга. Обмениваются фразочками, малопонятными для меня. И наконец-то представляют нас друг другу:

– Анита, знакомься, это Соня. Соня, это Анита, – говорит Ира. – Просим любить и жаловать. Это будущая жена четвертого и последнего холостого бойца из нашей «могучей кучки».

– Четвертого и последнего? Это вы про Марка, что ли? О, так вы встречаетесь? Серьезно? Этот оболдуй наконец-то нашел себе классную и адекватную девушку? Вау! – выдает пулеметной очередью слова Соня.

– Нет! – отрезаю я, зло зыркнув на довольных своей выходкой однокурсниц. – Нет и еще раз нет! Мы с Марком не встречаемся. Он просто мой отвратительный сосед! И да, я рада с тобой познакомиться, – смягчаю свой спич улыбкой. – Наслышана про тебя и твою рекламу для приюта. Я считаю, что ты делаешь безумно крутое дело! Ну и я уже тебя люблю

за то, что ты назвала Марка – оболдуем. Будем дружить? – протягиваю Соне ладонь для рукопожатия.

На мгновение тушуюсь. Не выглядит ли это слишком по-детски?

Однако это мгновение быстро рассеивает яркая улыбка Сони и ей же брошенное:

– Эта девчонка мне уже нравится! – сжимает своей ладонью мою ладонь Соня. – Еще как будем. Меня трудно найти, но еще труднее потерять.

Мы с девчонками хохочем. В этом мире нет ничего приятнее, чем встретить человека, находящегося с тобой на одной волне.

– О, на наш сеанс уже запускают. Идем, – кивает Рор, открывая на своем телефоне онлайн-билет на всю нашу компанию.

– А «оболдуй», к слову, было брошено с любовью, – аккуратно пихает меня локтем Соня, пока мы стоим в небольшой очереди в зал. – Марк хороший. Хоть он пытается строить из себя брутального Альфача, в душе он «сюсик». Присмотрись.

– Ой, нет, спасибо! Мне с таким, как он, точно не по пути.

– Ну, знаешь, направление движения иногда можно и поменять. Если человек стоящий…

Я улыбаюсь, предпочитая ничего на это не отвечать.

Едва мы успеваем с девчонками занять свои места в кинозале, на экране запускают рекламу будущих новинок. Свет

гаснет. Вокруг начинается шелест пачек чипсов, шуршание попкорна в ведрах и шипение открывающихся бутылок с пивом и газировкой. Народу не то чтобы много, но достаточно для вечера буднего дня.

Я зачерпываю горсть жареной кукурузы и закидываю в рот. Мой телефон снова начинает звонить. На этот раз беззвучно вибрируя в руке. И номер снова незнакомый. Но уже другой.

Импульсивно решаю ответить, чтобы и дальше не донимали. Жму на зеленую кнопку и шепотом бросаю в динамик:

– Слушаю!

– Добрый день, – отвечает мне приятный, явно незнакомый, мужской голос. – Анита? Я звоню вам по объявлению.

Зависаю, наморщив лоб. Перед глазами сменяются кадры из мультфильма, что выйдет в середине зимы. Но я не смотрю. Я пытаюсь пробежаться по полочкам памяти в своей голове и сообразить, что за объявление и когда я успела его подать? Не соображаю. Поэтому спрашиваю, слегка запинаясь на первой букве:

– К-какому объявлению?

– Как какому? Выгул собак. У меня двухлетний ньюфаундленд. Справитесь? Если да, то я готов обсудить с вами прогулки с моим Расти на регулярной основе. На самом деле он парень спокойный, покладистый. Поводок не тянет, команды знает и…

– Оу, оу, оу! – торможу я поток чужой, ненужной мне ин-

формации. – Знаете, мне очень жаль, но вы, кажется, ошиблись номером, – бросаю извиняющимся тоном. – Простите, но я не занимаюсь выгулом собак. И объявления никакого не давала. Еще раз прошу прощения. До свидания!

– Но как же…

Я отбиваю вызов.

Бред какой-то.

Ловлю на себе вопросительные взгляды подруг.

Пожимаю плечами:

– Какой-то парень номером ошибся. Бывает. Все нормально.

Однако, как оказалось, ничего нормального в этом звонке и в последующих десятках других не было…

Уже через сорок минут после начала сеанса я понимаю, что бесконечно трезвонящий телефон не дает мне насладиться комедией, на которую мы с девчонками пришли. Постоянно отвлекаясь на звонящих и пишущих мне людей с незнакомых номеров, я упускаю суть сюжета. А когда число неотвеченных мною сообщений подбирается к двум десяткам – начинаю беситься. И первый звонок незнакомца уже перестает мне казаться случайностью.

Только вот незадача: я совершенно точно не подавала никаких объявлений и нигде не оставляла свой номер телефона. Ни сегодня, ни вчера, ни вообще когда-либо я не планировала заниматься выгулом собак! Следовательно, никакое старое объявление тоже всплыть не могло. Тогда что за ерун-

да происходит?

Сбросив очередной вызов, я хватаю свой стаканчик с кока-колой из подстаканника и обхватываю губами трубочку. Потягиваю напиток, наблюдая на экране за сценой ссоры между главными героями – причину которой я, конечно же, упустила, – и тут мой телефон снова вибрирует входящим сообщением. Содержание все то же, что и у двадцати «до»:

«Добрый день, Анита! Меня зовут Елена. Я по поводу вашего объявления. Когда вам будет удобно познакомиться с моим малышом Майки? Лабрадор, 4 года».

– Да, боже! Никогда! – шиплю тихонько.

Но следом приходит еще одно:

«Здравствуйте. А с малышами чихами вы тоже гуляете?»

И еще:

«Сколько берете за часовую прогулку с доберманами? А квалификация у вас есть?»

И еще одно чертово сообщение:

«Добрый вечер, девушка. А на передержку вы животных не берете? А то у меня на даче собака ощенилась. Дворняга. Щенков девать некуда. А топить жалко».

– Ар-р-р! – стиснув зубы, рычу я в экран телефона.

Вот теперь утопиться захотелось уже мне! Это что, чья-то тупая шутка? Пранк? Прикол? Или попытка довести меня до сумасшествия? Какие, к дьяволу, дворняги и доберманы? Какие, к черту, чихи и лабрадоры? Остановитесь!

– У тебя точно все в порядке? – спрашивает шепотом сидящая рядом со мной Соня, очевидно заметив, как покраснело мое лицо, и услышав, как захрустела эмаль на моих зубах.

– Ничего не впоряде! – бурчу я, копируя и вставляя всем написавшим одно и то же короткое и злое: «Вы ошиблись номером».

– Что случилось? Я могу чем-то помочь?

– Нет, я… Уф! Я выйду подышать.

– С тобой пойти?

– Нет, – вымучиваю из себя улыбку. – Все хорошо. Скоро вернусь.

Оставляя стакан с попкорном и газировкой на сидении, я аккуратно пробираюсь из центра ряда к лестнице и дальше на выход из зала. Моя спина настолько прямая от напряжения, что начинают ныть позвонки. А в груди такой комок раздражения, что я уже на грани того, чтобы разбить свой старенький телефон о ближайшую стену! Но, дабы избежать незапланированных трат, я лишь сильнее сжимаю пластиковый корпус пальцами и пулей выскакиваю в фойе кинотеатра.

Ноги сами несут меня в уборную.

В женском туалете пусто. Я откидываю мобильник на край раковины и включаю в кране холодную воду. Смачиваю ладони. Прикладываю их – влажные – к пылающим щекам и шее. Остываю. А когда надоевший гаджет в очередной раз

начинает трезвонить, отвечаю на звонок и без прелюдий бросаю в динамик:

– Да не подавала я никаких объявлений! Не гуляю я с собаками! Перестаньте мне звонить! – кричу, сбрасываю и выдыхаю.

Вот теперь чуть-чуть полегчало.

Для максимально эффективного успокоения нервных клеток – перевожу телефон в режим «полета». Так никакие звонки точно не пробьются. По крайней мере до конца сеанса. А дальше придется что-то с этим цирком решать. Боже, не хотелось бы менять номер. Он у меня еще со средних классов школы.

С неодобрением кошусь на заставку.

– Это просто какой-то сюр…

Пихаю телефон в сумочку и, раз уж пришла, ныряю в кабинку по своим делам. Едва успеваю пописать, как в уборную кто-то заходит. Громко цокая каблуками. И эта «кто-то» с таким противным, высоким голосом, что в моменте хочется заткнуть уши:

– Да! Наконец-то, представляешь? Я уже думала, этот момент никогда не настанет! – фыркает дамочка, очевидно разговаривая с кем-то по телефону. – Да-да. Съезжаемся.

Я застегиваю пуговицу на джинсах и нажимаю на кнопку слива. Выхожу из кабинки, встречаюсь в отражении зеркала взглядом с той самой незнакомкой. Высокая, стройная, идеальная. В желтом мини, замшевых ботфортах на высоком

каблуке и с сумкой в тон. Этакая эталонная принцесса.

Не люблю таких. Но вежливость никто не отменял, поэтому улыбаюсь. Блондинка же обдает меня презрительным взглядом и возвращается к «висящему на проводе» собеседнику или собеседнице, бросая:

– Пора бы уже, согласна.

Ну, что ж, ладненько.

– Как-никак на прошлой неделе мы отметили полгода отношений, – продолжает девушка. – Ой, согласна. Кот и так с этим делом затянул. Но от него сестра только недавно съехала. Да откуда я знаю? Двоюродная какая-то. Или троюродная. Деревенская, короче. Он мне фотки ее шмоток показывал, Ляль, ну такой кринж! Ха-ха-ха!

«Фу-э», – мысленно делаю я.

Физически же подхожу к раковине, ополаскиваю руки и выдергиваю парочку бумажных полотенец, стараясь не обращать внимание на неприятную особу. От ее заносчивости – тошнит! Бедолага тот парень, который повелся на кукольное личико. Или не бедолага, а такой же мудак? Вполне вероятно.

Пока дамочка красит губы, я тихонько выныриваю из уборной и держу курс на нужный мне кинозал. Не дохожу жалкие десять метров, когда в кафе кинотеатра вижу знакомую фигуру в песочных брюках и светлой футболке-поло. Сбиваюсь с шага, а потом и вовсе останавливаюсь. Где-то глубоко-глубоко в сердце что-то болезненно сжимается.

Сережа.

Несмотря на огромную обиду, внутри рождается порыв подойти и… поздороваться? Возможно. А еще лучше: подойти со спины и закрыть ладонью его глаза, как делала десятки раз, пугая своего парня.

Бывшего, Анита.

Бывшего парня…

Ну и что, что бывшего! Ведь ничто не мешает нам остаться друзьями. Правда? Да, он повел себя как придурок, выставив меня из дома одним днем. Но мне кажется, что мы вполне способны иногда поздравлять друг друга с праздниками и не отворачиваться угрюмо при встрече. Так делают взрослые, мудрые люди. А я ведь взрослая? Определенно. Мудрая? Еще какая!

Воодушевившись, я натягиваю на лицо улыбку и уже делаю шаг по направлению к бывшему парню – потенциальному будущему другу, – когда меня подрезает та самая фифа из туалета. Девушка решительно обходит меня и своими длинными, стройными ногами, едва прикрытыми платьем, направляется прямо к…

Мое сердце ухает вниз. Словно на крутом спуске с американской горки проваливается прямо в пустоту. Горло хватает спазм обиды.

Принцесса из туалета подходит к Сергею со спины и обнимает его. Крепко. Совсем не по-дружески. Мой бывший оборачивается. Смотрит на нее и улыбается. А потом берет

и целует. Прямо у всех на глазах. Прямо в ее только что накрашенные губы. Целует так, как он не любил целоваться со мной на публике, потому что «Анита, терпеть не могу все эти сюсю-мусю».

Он ее целует.

У меня, от подступающих слез, плывет картинка перед глазами. А в голове разрушительной стихией проносится все услышанное в туалете:

Полгода отношений…

Сестра недавно съехала…

Ее шмотки показывал – такой кринж…

Ха-ха-ха!

Он мне изменял. Давно. Постоянно.

В груди все сжимается, словно в тисках. Я делаю вдох, но легкие дышать отказываются. Мне бы отмереть и приказать своим ногам уйти. Но я стою. Как снова брошенная дура!

Сережа замечает меня. Он оборачивается. По-свойски двумя пальцами салютует мне. Как тот самый «взрослый и мудрый», который может дружить со своей бывшей. Вот только меня такой болью обдает, что хочется закричать. А лучше подойти и влепить этому придурку пощечину! А потом еще пнуть под зад! И плюнуть на спину.

Он мне изменял.

Черт!

– Анита, привет! – имеет наглость крикнуть мне бывший. – Как ты? Как жизнь? – спрашивает, а у меня в голове бе-

гущей строкой: *«Полгода он спал со мной и с… ней. С этой заносчивой сукой в желтом платье, которая назвала мою одежду кринжовой, а меня деревней!»*

И сейчас он спрашивает «как я»?

Я на грани!

На грани того, чтобы позорно, прилюдно разреветься.

Или броситься на него с кулаками!

Не знаю. Я в полнейшем раздрае и ступоре. И я…

– Хулиганка, вот ты где. – Обнимает меня за плечи чья-то сильная рука, прижимая к мускулистому телу. – Попалась! – говорит знакомый, рокочущий голос. – А я уже забеспокоился. Думал, ты решила меня такого неотразимого бросить и вернуться к своему бывшему мудаку. О, а это, кстати, кто? Познакомишь? – выдает решительно и громко обладатель обнимающей меня руки.

Я, совершенно сбитая с толку, вскидываю взгляд. И встречаюсь с опасно сверкающей зеленью красивых мужских глаз. И обладатель этих глаз с улыбкой шепчет мне одними губами:

– Готовься, сейчас будет горячий поцелуй, – а потом берет и… правда целует. На глазах у моего охреневшего бывшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.